

«ДРЕВНЯЯ ДИОСКУРИАДА»

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ К ДНЮ
ГОРОДА СУХУМ

*Материалы
конференции,
4 декабря 2015 года,
г. Сухум*

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

АДМИНИСТРАЦИЯ Г. СУХУМ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИЯ АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ К ДНЮ ГОРОДА СУХУМ «ДРЕВНЯЯ ДИОСКУРИАДА»

*Материалы конференции,
4 декабря 2015 года, г. Сухум*

Сухум
2016

Редакционная коллегия:

Кобахия Б. С. Министерство культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия

Джопуа И. А. Министерство культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия

Нюшков В. А. Абхазский государственный музей

Международная научно-практическая конференция: Древняя Диоскуриада. / Материалы. – Сухум: «Дом печати», 2016 – 104 с.
л/р 978–5–111–92–10016

В настоящем издании публикуются материалы Международной научно-практической конференции «Древняя Диоскуриада», посвященной 100-летию празднования города Сухум, прошедшей в г. Сухуме 4 декабря 2015 г. В работах участников конференции рассматривается древняя история современного города Сухум.

© МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ, 2016

© АДМИНИСТРАЦИЯ Г. СУХУМ, 2016

© АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д. И. ГУЛИЯ АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ, 2016

© АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ, 2016

© АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Бгажба О. Х., Нюшков В. А. (Сухум) О ХАРАКТЕРЕ, МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ РАННЕАНТИЧНОЙ ДИОСКУРИАДЫ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ.....	6
Габелия А. П. (Сухум) ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДИОСКУРИАДЕ И ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ЕЁ ОСНОВАНИЯ.....	14
Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. (Москва, Сухум) ДРЕВНЕЙШИЕ КОНТАКТЫ РЕГИОНА ДИОСКУРИИ С АНТИЧНЫМ МИРОМ. ЭПЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ В АРХАИЧЕСКУЮ ЭПОХУ.....	20
Чандрасекаран Суджата (Берлин) АБХАЗЫ И РОЛЬ ДИОСКУРИИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ МИРЕ.....	36
Трапезникова Е. Е. (Абха) ДИОСКУРИА И АЗКУА МАТЕРИАЛКЭА, ОСМАНТЭИ АРХИВ АКНЫТЭ.....	49
Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Журавлев Д. В. (Москва, Сухум) АНТИЧНЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ ДЖАНТУХСКОГО МОГИЛЬНИКА.....	57
Барццц Р. М. (Сухум) ДИОСКУРИАДА И ПРОБЛЕМЫ ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ В АБХАЗИИ.....	74
Сангулия Г. А. (Сухум) СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА АБХАЗИИ: КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ И МЕТОДИКА АТРИБУЦИИ ОБЪЕКТА «ГОРОДСКОГО» И «СЕЛЬСКОГО» ТИПА (ХРОНОЛОГИЯ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ).....	79
Пачулия В. М. (Сухум) ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО АБХАЗИИ О ДАТИРОВКЕ ОБРАЗОВАНИЯ АНТИЧНОГО ГОРОДА ДИОСКУРИАДА.....	96
СВИДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	101

А. Р. Харазия

**УВАЖАЕМЫЕ ОРГАНИЗАТОРЫ, УЧАСТНИКИ И ГОСТИ
I МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ДРЕВНЯЯ ДИОСКУРИАДА»!**

Мне чрезвычайно важно быть сегодня здесь вместе с вами и иметь возможность приветствовать столь важное мероприятие.

В первую очередь я хочу выразить благодарность зарубежным и отечественным экспертам, а также всем, кто принимает участие в конференции, посвященной определению даты основания города Сухум! На вас ложится непростая задача, не только обсудить, но и предложить решение по важнейшему вопросу, как с научной точки зрения, так и с практической.

Данная конференция также проводится в целях изучения и пропаганды историко-культурного наследия столицы Республики Абхазия, привлечения внимания общественности к проблемам города, информирования населения и гостей об этапах развития и становления Сухума с учетом национальных традиций, архитектурных и градостроительных норм. Убежден, что сегодня мы услышим много интересных докладов, станем свидетелями конструктивных обсуждений.

Мы находимся на этапе поиска новых форм сохранения историко-культурного наследия, развития туризма, повышения уровня преподавания исторических знаний и патриотического воспитания подрастающего поколения.

Давно назрела необходимость проведения ежегодного общегородского праздника «День города Сухум». У нашей прекрасной

столицы более 30 городов побратимов и партнёров. Первые из них появились ещё в советское время. Это такие города как, Килмарнок в Шотландии, Ахарнес в Греции, Пуэнт-а-Питр французского департамента Гваделупа, Аданазары в Турции.

Мало кому известно, что после окончания Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. в шотландском городе-побратиме Килмарноке был разбит парк Памяти и сооружен мемориал нашим войнам, погибшим на полях сражений. На церемонию его открытия в июне 1995 г. была приглашена делегация, которую возглавлял глава Администрации города Сухум Айба Гарри Григорьевич. Именно благодаря дружбе с Килмарноком в центре Сухума есть улица Шотландская.

Дружеские и партнерские отношения с городами ближнего и дальнего зарубежья интенсивно развиваются. Сухум является членом Международной ассоциации «Породнённые города» (МАПГ), Международного черноморского клуба (МЧК), а также Международной Ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ).

Нам необходимо проводить мероприятия и акций, направленные на благоустройство территории города, создание позитивного имиджа, привлечения туристов, изучения истории столицы с учетом ментальных особенностей.

Желаю участникам конференции продуктивной работы, интересных дискуссий, успехов в профессиональной деятельности и всего самого доброго!

Бгажба О. Х., Ньюшков В. А.
(Сухум)

О ХАРАКТЕРЕ, МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ РАННЕАНТИЧНОЙ ДИОСКУРИАДЫ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ

Название и содержание настоящего доклада, естественно, продиктовано проблематикой данной международной научно-практической конференции. Собственно говоря, это те вопросы, на которые должен ответить любой археолог: что, где, когда. Они, конечно, напоминают вопросы из популярной телевизионной передачи, где соревнуются знатоки. Но цели и задачи у нас и у них иные. С вопросом что связан характер (статус) Диоскуриады, с вопросом где с местом её локализации и когда – временем её основания. По всем данным вопросам существовала и ныне существует жёсткая дискуссия. Нас, конечно, больше интересует уточнение времени основания Диоскуриады, ибо мы давно уже находимся в перманентном состоянии отпраздновать день рождения города, чтобы увековечить эту дату для грядущих поколений. Однако данный вопрос не может быть решённым без первых двух. Но, чтобы начать доклад в порядке поставленных вопросов прежде, следует вкратце коснуться истории изучения Диоскуриады.

В конце XIX в. исследованию древностей Диоскуриады уделил большое внимание сухумский краевед В.И. Чернявский. В результате многолетних поисков он пришёл к выводу, что она находилась на месте современного Сухума и её значительная часть погребена на дне Сухумской бухты (Чернявский, 1879. С.15). Правильность его вывода о локализации древнего города подтвердил археолог В.И. Сизов в 1886 г., проведший исследования, по заданию Московского археологического общества, в Сухуме, на берегах Сухумской бухты, а также безрезультативную разведку на Скурче (Сизов, 1889. С. 19). Он писал, в частности, что средневековый Сухум соответствует Акуа абхазов. Важно также отметить и результаты его исследова-

ний в районе сквера, возле госдрамтеатра, на набережной. Об этом он отмечал следующее «Вообще нижний слой канавы по обилию найденных в ней фрагментов греческих сосудов можно сравнить только с насыпными частями горы Митридата в Керчи» (Сизов, 1889. С.17). Это были вообще первые профессиональные раскопки в Абхазии.

Начиная с 20-х годов XX в. по заданию АБИО (Абхазского научного общества) провёл раскопки на месте древней Диоскуриады археолог А.С. Банкиров, фактически подтвердивший выводы В.И. Сизова о её локализации (Банкиров, 1926. С.6-18). Вслед за ним М.М. Иващенко также заключил, что древний город тянулся «неширокой полосой по берегу моря на протяжении 1,5 – 2 км. по обе стороны р. Беслаты (совр. р. Басла – О.Б., В.Н.), причём часть его находилась на дне Сухумской бухты» (Иващенко, 1926. С.93-103). Далее изучением древней истории Диоскуриады занялся М.М. Транш, исследовав, в частности, поселения и могильники VIII–II вв. до н.э. (Красный маяк, Гуадику, Сухумская гора) и впервые опубликовал сведения о уникальной мраморной стеле (430 г. до н.э.) (Транш, 1969. С. 227). Тогда же, в конце 50 годов XX столетия на набережной Сухума были произведены широкомасштабные археологические раскопки, где ему удалось проследить пять культурных горизонтов, два из которых относились к эпохе до н.э., начиная с V в. Здесь же надо отметить, что вместе с ним работали также археологи А.М. Апакидзе, О.Д. Лордкинанидзе, Л.Н. Соловьёв, Л.А. Шерванидзе и др. В ходе дальнейших охранных раскопок в марте 1977 г. под руководством Ю.Н. Воронова и Г.К. Шамба, которые были проведены на месте бывшего кинотеатра «Лисны» на ул. Ленина (ныне Леона), был собран материал из нескольких сот фрагментов амфор, чернолаковой посуды и других изделий конца V–III вв. до н.э. Наиболее интересной находкой стала терракотовая статуэтка богини плодородия Деметры, сидящей на троне. Летом того же года была исследована траншея коллектора 500-метровой длины по проспекту Руставели (ныне проспект Махаджиров) между улицами Октябрьская и Калинина (ныне Сахарова и Чочуа). Здесь был открыт слой остатков IV–I вв. до н.э. В нескольких местах траншеей пересекали стены от древних построек. В одной из них находилась часть из-

вестияковой колонны, по-видимому, от языческого храма Диоскуров (Воронов, 2014. С. 189). В 2002 г. на ул. Званба работала большая археологическая совместная экспедиция (АБИГИ, АГУ, Управление охраны памятников, Абхазгосмузея), проводившая исследования памятников, обнаруженных во время строительных работ, в частности, в районе парламента. К сожалению, из-за недостаточности средств раскопки были завершены раньше запланированного времени. То была периферия античного могильника, где ранее была найдена стела, о которой выше было сказано.

Надо также добавить, в 40 годах 20-го столетия Л.И. Соловьёв написал брошюру «Диоскурия-Севастополис-Цхуми», но эта книга попала под запрет в связи с гонением на Л.И. Соловьёва; в 1969 г. в книге М.М. Трапш «Древний Сухуми» значительное место уделено античной Диоскуриаде и местным древнеабхазским поселениям вокруг неё; в 1980 г. вышла книга Ю.Н. Воронова «Диоскуриада-Севастополис-Цхум», которая отличается не только по названию, но и по содержанию от книги Л.И. Соловьёва в связи с накопившейся за это время новой информацией.

В результате, существует несколько дефиниций в отношении статуса Диоскуриады. М.М. Трапш считал, что поселения городского типа появились в Колхиде задолго до прихода сюда греков и независимо от них (Трапш, 1969. С. 217; 170-171), а затем, как полагал Н.Ю. Ломоури, на протяжении всей своей дальнейшей истории оставались не греческими, а в первую очередь колхскими (Ломоури, 1962. С. 61), т.е. древнегрузинскими. По мнению М.П. Инадзе, данные города как Диоскуриада возникли на базе крупных местных населённых пунктов позднебронзовой эпохи под воздействием греков и с самого начала имели «смешанное» греко-местное население и лишь некоторые черты самоуправления (Инадзе, 1969. С. 143). О.Д. Лордкипанидзе был уверен, что греческие поселения Колхиды представляли собой торговые фактории без собственной экономической базы и располагались в качестве кварталов при местных городах (Лордкипанидзе, 1966. С. 260). Между тем, большинство исследователей (А.И. Болтунова, Г.А. Лордкипанидзе, Г.Ф. Дундуа, В.П. Яйленко, Ю.Н. Воронов, Дейвид Браунд и др.), в том числе и авторы данной статьи, придерживаются мнения, что

античные города Колхиды являлись продуктом греческой колонизации и по своему социально-экономическому, культурному и этническому облику мало чем отличались от греческих поселений в других районах Причерноморья (Болтунова, 1963; Лордкипанидзе, 1978; Дундуа, 1979; Яйленко, 1982; Воронов, 2006; Дейвид Браунд, 1991).

Таким образом, можно говорить, что Диоскуриада с самого начала формировалась как греческая колония и то, что она (в отличие от других прибрежных городов в перипле Псевдо-Скилак Кариандского, которые именуются эллинскими, как например, Фасис) не упоминается эллинским городом, не надо придавать этому особого значения (Алчабадзе, 1964. С. 152), поскольку, согласно сообщению римского писателя и географа, I в. н.э. Помпония Мелы, Диоскуриада была основана на земле древнеабхазских гениохов.

Другой, не менее важный вопрос, где Диоскуриада была построена? Существует мнение (Д.И. Гулия), что Диоскуриада могла находиться в районе Скурчинского залива, но ни один источник, а также исследования абхазских археологов и московских аквалангистов этого не подтвердили; недавно было высказано и такое предположение, что в какой-то исторический период, возможно, с конца IV в. до н.э., «акрополь» древней Диоскуриады находился на месте Эшерского городища, которое по многим признакам, как мощные оборонительные сооружения, общественное здание, водопровод прямо указывают на то, что это был не хорион, а уже полис (город). В то же время, античные источники ни о каком полисе рядом с Диоскуриадой не сообщают. Не исключено, что после разрушения Эшерского городища в I в. до н.э. город был перенесён на хору Диоскуриады, где к тому времени уже существовало значительное поселение (Скаков, 2013. С. 62).

Однако стоит отметить, что Эшерское городище существовало до середины III в. до н.э. После, городище опустошается, дома сожжены и разрушены (найденная на месте городища бронзовая доска с надписью разбита и полурасплавлена), верхняя площадка поселения превращается в кладбище, а уже в конце II – начале I вв. до н.э. городище было занято войсками Митридата VI Евпатора. Неслучайно один из прибрежных холмов, где было расположено го-

родине по-абхазски звучит как «Абалра-ху» – горелый холм. Если это был «акрополь», то должен был быть рядом и древнегреческий некрополь, которого нет. Между тем, Ю.Н. Воронов допускает возможную локализацию плиниевского Кигна на месте нынешнего Энзерского городища (Воронов, 2015). Также надо отметить и следующее: действие морского прибоя за истекшие 2500 лет разрушило береговую полосу в бухте шириной до 100-500 м., уничтожив первоначальное прибрежное ядро Диоскуриады. Оставшийся не потревоженный раннеантичный слой Диоскуриады в городской черте Сухумской бухты сейчас может находиться на расстоянии от береговой полосы вглубь суши на 100-150 м., который, к сожалению, из-за плотной застройки и парковой зоны вскрыть представляется пока невозможным. Считалось, что древний город находился на дне моря (ещё 100 лет назад можно было видеть на дне моря, у устья р. Басла, четырёхугольную баню и, купаясь в этих местах наступать ногами остатки стен), как свидетельствовал в своё время А.С. Банкиров:

В то же время, Энзерское городище, как считали Ю.Н. Воронов и др., являлось хорионом, т.е. городом-спутником Диоскуриады, большая часть первоначального ядра которого локализуется в районе р. Басла, где была обнаружена мраморная рельефная погребальная стела. В свою очередь, это может указывать и на то, что в этом районе находился крупный древнегреческий некрополь, а, как известно, самое значительное поселение должно было сопровождаться таким фактором как место захоронения или кладбищем.

Таким образом, по логике выходит, что если был некрополь, а погребальная стела на это указывает, то, значит, рядом было и поселение, несмотря на то, что реально зафиксировать пока его не можем. Ведь, именно после находки стелы появилось основание говорить, что Диоскуриада располагалась на месте Севастополиса. Также и в письменных источниках можно этому найти подтверждение. Так, Плиний Секунд (римский писатель-эрудит, автор «Естественной истории», I век н.э.) писал, что на месте Диоскуриады возник древний римский город Севастополис. При постройке Сухумской набережной в 1896 году был найден обломок римской надписи, в которой был упомянут Флавий Арриан (римский исто-

рик и географ I-II вв. н.э.), побывавший с инспекторской поездкой в Севастополисе. Эти два города – Диоскуриада и Севастополис – существовали на территории нынешнего Сухума. В своем сочинении «Объезд Эвксинского Понта» Флавий Арриан сообщает для нас важные сведения, что «Севастополь прежде назывался Диоскуриадой, колония Милета» (Флавий Арриан. *Объезд Эвксинского Понта*, 14). Дело в том, что с Милетом раннеантичные авторы (кроме Арриана) имя Диоскуриады не связывают, в отличие от того же Фасиса, в котором, согласно Гераклиду, первоначально жили гениохи, а затем милетяне (Каухчишвили, 1979. С.297-299).

Если признать достоверность переданного нам Аррианом данного сообщения, то можно с большей точностью установить приблизительную дату основания города, т.е. до 530 г. до н.э., поскольку к этому времени персами «один за другим были покорены и греческие города в Малой Азии» (Потанов, 2013. С. 11), не исключением стал и малоазиатский город-государство Милет, вынужденный прекратить свою колонизационную деятельность в Причерноморье в 494 г. до н.э., во время правления персидского царя Дарявахауша или Дария I (522–486 гг. до н. э.) (Потанов, 2013. С. 24). Вместе с тем, сомнительно, что в период покорения персами Малой Азии и захвата города Милета, т.е. между 530 и 494 гг. до н.э. в период острой политической нестабильности в самом Милете, милетяне могли заниматься колонизационной деятельностью.

Надо полагать, Диоскуриада в это время как колония Милета уже существовала, если верить периплу греческого мореплавателя и географа (VI в. до н. э.) Скилака Кариандского, возможно первым приписавшим основание Диоскуриады выходцам из города Милета. Он по поручению Дария I в 519–516 гг. до н. э. объехал берега Аравийского залива. Сохранилось лишь более позднее сочинение, составленное в виде перипла Средиземного и Черного морей пересказывающего перипл Скилака Кариандского. Оно датируется обычно серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. и приписывается афинскому автору Псевдо-Скилак Кариандскому. Его сведения важны для локализации некоторых народов и городов Причерноморья. Он впервые и донёс название города Диоскуриада, а также города Гюэноса, как эллинского.

Стоит также отметить, что древнейшие материалы античного Гюэноса включают обломки импортных хиосских амфор с белым ангобом и ионийской светлоглиняной полосатой керамикой. Судя по их фрагментам, первое греческое поселение на территории античного Гюэноса, возможно, появилось несколько ранее Диоскуриады, т.е. не позднее середины VI в. до н.э., а может и раньше в первой его половине. Красноречиво об этом свидетельствует и находка из Нижней Эперы – аттическая чернофигурная амфора, сделанная около 530 г. до н.э.

Таким образом, мы можем предполагать с достаточным основанием, что Диоскуриада уже вполне могла существовать во второй половине VI в. до н.э. Материалы, которые были обнаружены в районе Сухумской крепости в сохранившейся части раннеантичного полиса на глубине до 3-3,5 м. на поверхности материкового слоя: обломки пухлогорлых хиосских амфор и чернолаковой посуды конца VI – начала V вв. до н.э. указывают на это. Пока они являются самыми ранними археологическими материалами древней Диоскуриады (в черте города Сухум).

Можно полагать, исходя из общих закономерностей греческих колоний, располагавшихся вдали от метрополии, на берегу Сухумской бухты уже имелся достаточно хорошо организованный коллектив с готовыми органами самоуправления, в обязанности которого входило обеспечение необходимых условий для деятельности колонистов, поддержка связей с метрополией, налаживание контактов с местным этническим окружением (Воронов, 2006. С. 111) (поселения Красный Маяк, Сухумская гора, Гуад-иху, существовавшие до основания Диоскуриады) с которым древние греки заранее договорились. И не случайно, что территория, где греки основали Диоскуриаду, носила древнеабхазское название «Акуа».

Из сказанного вполне можно заключить, что 2500 лет назад Диоскуриада уже существовала (возможно, ещё и раньше на 100-200 лет) и была основана милетянами на земле гениохов, одних из создателей замечательной колхидско-кобанской культурно-исторической общности.

Литература

- Алчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
 Башикиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // ИАИО. IV, 1926.
 Болтунова А.И. Античные города Грузии и Армении // Античный город. М., 1963.
 Воронов Ю.Н. Колхида в железном веке, – В кн. «Научные труды». Т. I. Сухум, 2006.
 Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Сébastополис-Цхум, – В кн. «Научные труды». Т. IV. Сухум, 2014.
 Воронов Ю.Н. «Естественная история» Плиния Старшего как источник для исторической географии Кавказа, – В кн. «Научные труды». Т. V. Сухум, 2015 (в печати).
 Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // Вестник древней истории. №4. М., 1991.
 Дундуа Г.Ф. Ещё раз о происхождении колхидок // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тб., 1979.
 Иващенко М.М. О местонахождении Диоскурии древних // Известия Абхазского научного общества. IV. 1926. С.93-103.
 Ипадзе М.П. Причерноморские города древней Колхиды. Тб., 1969.
 Лордкипанидзе О.Д. Античный мир и древняя Колхида. Тб., 1966.
 Каухчишвили Т.С. Письменные источники по вопросу «колонизации» Восточного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тб., 1979.
 Ломоури Н.Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тб., 1962.
 Лордкипанидзе Г.А. Колхида в VI-II вв. до н.э. Тб., 1978.
 Потапов Г.В. Персидская империя. Иран с древнейших времён до наших дней. М., 2013.
 Сизов В.И. Восточное побережье Чёрного морей: Археологические экспедиции // Материалы археологической комиссии. II. 1889.
 Скаков А.Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа, и Урало-Поволжья. Том I. Абхазия. М.: 2013.
 Трапш М.М. Древний Сухуми, – В кн.: «Труды». Т. II. Сухуми, 1969.
 Чернявский В.И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно, – В кн.: «Протоколы подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе». М., 1879.
 Яйленко В.П. Греческая колонизация VII – III веков до н.э. По данным эпиграфических источников. М., 1982.

Габелия А. Н.
(Сухум)

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДИОСКУРИАДЕ И ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ЕЁ ОСНОВАНИЯ

Проблема древних письменных источников и их значений в истории Абхазии чрезвычайно сложная и важная. Это связано со сложностью их использования и характером сведений, которые содержатся в источниках. Здесь уместно отметить отсутствие определенной системности, разнохарактерность информации и разной степени научной ценности сведений греко-римских авторов о Колхиде. Существует большое количество источников о Колхиде, о ней писали не только историки и географы, но и поэты, драматурги и авторы художественных сочинений.

В обширной греко-римской литературе трудно найти автора, который не касался бы Колхиды, но, как правило, это связано с походами аргонавтов. И зачастую древние сообщения облачены в мифическое покрывало, хотя это не должно так быть, так как древние греки жили в Колхиде (в Абхазии) поддерживали тесные торговые связи, были основателями нескольких городов.

Греко-римские авторы оставили нам довольно подробное описание Колхиды, географического и этнографического характера, с перечислением множества рек, населенных пунктов, народов, большинство которых локализуется довольно точно и тем самым подтверждают существование непосредственных контактов греков с местным населением.

При этом хотел бы обратить ваше внимание на нескольких несомненных постулатах:

- Сведения в источниках о древней Колхиде являются результатом непосредственных контактов.

- Достоверность сообщений должно отражать уровень и степень контактов.

– Первые сведения о Колхиде появляются, вероятно, уже с периода создания греческой письменной литературы, и в данном случае представляет интерес сообщение поэта VIII в. до н.э. Евмела Коринфского, где говорится о генеалогии Лиэта, царя колхов, одного из главных персонажей сказаний о походе аргонавтов. В Одиссее же названы почти все главные персонажи сказаний об аргонавтах.

Следовательно, эпические сказания о походе аргонавтов в Колхиду были распространены в греческом мире еще до начала процесса греческой колонизации в Причерноморье, т.е. задолго до регулярных торгово-экономических взаимоотношений греков с Колхидой.

Тут возникает весьма сложный и трудноразрешимый вопрос: можно ли считать сказание об аргонавтах реальным отражением непосредственных контактов греков с Колхидой в VIII и VII вв. до н.э. Наверно нет, так как мы все еще не располагаем достоверным археологическим материалом из Причерноморских регионов.

В первую очередь нет сомнений, что упоминание у греческого автора второй половины VIII века до н.э. Евмела Коринфского термина «Колхида» имеет мифологическое происхождение, а не свидетельствует о реальном существовании довольно могущественного политического объединения, как это нередко пытаются доказать некоторые авторы (Лодкипанидзе, Микиладзе, 1990), более того нет основания говорить о регулярных торгово-экономических связях. Развитие регулярных торгово-экономических и культурных связей греческого мира с Колхидой связано с процессом т. н. Великой греческой колонизации.

На Колхидском побережье Черного моря в греко-римских источниках упоминаются только три эллинских поселения: Фасис, Диоскуриада и Гизнос. К сожалению, письменные источники об этих городах чрезвычайно скудны. Они не содержат сколько-нибудь значительных данных о том, при каких обстоятельствах и когда поселились эллины здесь, каковы были социальные, политические или экономические мотивы колонизации, конкретные формы политической и социальной организации греческих поселений и взаимоотношения с местным населением.

Мы еще не располагаем прямыми данными для определения типа и функций греческих колоний в Колхиде. Это привело к существованию самых различных версий о характере греческой колонизации в Восточном Причерноморье, остро дискутируемых в научном мире. Регулярные контакты греков с Восточным Причерноморьем стимулировали появление разнохарактерных сообщений о регионе. Наибольший интерес из дошедших до нас источников, несомненно, представляет Геродот, сведения которого весьма разнотипны.

Большой интерес вызывают сообщения Геродота о расселении колхов, он пишет: «Персы живут вплоть до Южного моря, называемого Красным, выше их к северу живут мидяне, выше мидян – сасперы, выше сасперов – колхи, вплоть до Северного моря, в которое изливается река Фасис». Упоминание колхов наряду с персами и мидянами грузинские исследователи Лордкипанидзе О. Д. и Микеладзе Т. К. рассматривают как свидетельство наличия крупного государственного политического объединения колхов, они даже попытались определить границы этого государства.

В данном сообщении я хотел бы остановиться на характеристике источников посвященных Диоскуриаде.

Самые ранние письменные сведения об этом городе сообщает греческий писатель IV в. до н.э. Псевдо-Скилак. Он пишет следующее: «...колхи, после них есть племя – колхи, город Диоскурис...» (Псевдо-Скилак, 1947. С. 242.). Как полагают исследователи, упоминание о Диоскуриаде было заимствовано из сочинения Скилака Кариандского. Он пользовался также трудами Гекатея Милетского. Перечисляя города в Колхиде, Псевдо-Скилак указывает, что Фасис и Гюэнос были эллинскими, а относительно Диоскуриады обозначение «эллинский» не употребляет. Это дало повод грузинским исследователям считать, что Диоскуриада не была основана греками, а являлась местным, колхидским городом. Из последующих авторов античного времени наиболее полно о Диоскуриаде говорит Страбон, живший на рубеже нашей эры, который пользовался ранними произведениями географической и исторической литературы (Артемидор, Эратосифен). В отличие от своих предшественников, он называет город не Диоскурией, а Диоскуриадой. Страбон сообщает следующее: «Эта же самая Диоскуриада служит и на-

чалом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живших выше ее и вблизи, сюда сходятся, говорят, 70 народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже 300; все они говорят на разных языках, но все они кавказцы. Сходятся в Диоскуриаде, главным образом, за солью» (Латышев, 1906. С. 222.)

О Диоскуриаде пишет римский географ Помпоний Мела (I в. н.э.). По мнению исследователей, он, как и многие его современники, пользовался источниками, восходящими непосредственно к ионийским писателям. По его сведению, Диоскуриада находится на земле гениохов и город основан Кастором и Полидевом (Ельницкий, 1961. С. 169-170.)

Из римских писателей, чьи произведения с упоминанием города Диоскурии дошли до нас, был Плиний Старший (I в.). Он дает подробное описание городов, имевших место после завоевания римлянами, и указывает на город Диоскуриаду, называя его колхским. Как указывает Г.К. Шамба, во времена Плиния город еще не носил название Себастополис, получив это имя после римской экспансии на Кавказском Причерноморье (Шамба, 2000. С. 64-65).

Упоминает Диоскуриаду и Аппиан (II в. до н.э.). Он пишет: «Митридат зимовал в Диоскурии. Колхи считают этот город доказательством того, что диоскуры вместе с аргонавтами прибыли сюда» (Шамба, 2000. С. 64-70).

Важные сведения о Диоскуриаде мы читаем у Флавия Арриана. Около 134 г., правитель римской провинции Каппадокии Арриан по поручению императора Адриана совершил объезд всего побережья Колхиды и оставил нам подробный маршрут плавания (перипл) с указанием расстояний между остановками судов. В отличие от своих предшественников, он сообщает, что Диоскуриада, или Себастополис, основана милетянами (Трапш, 1959. С. 213.). Исключительная ценность сообщения Флавия Арриана заключается в том, что он лично побывал в этих местах. Кроме того, данный факт подтвержден находкой каменной плиты в Сухуме. Этот интересный эпиграфический памятник, найденный в 1896 году при строительстве набережной Сухума, представляет собой фрагмент известняковой плиты с латинской надписью. Текст этого памятни-

ка связан с командировкой Флавия Арриана. Надпись в переводе с латинского означала: «Гадриан через Флавия Арриана порт сей соорудил...» (Сизов, 1883. С. 115.)

Так как Себастиополис был конечным пунктом путешествия Арриана, эта надпись дает возможность решить и вопрос о местонахождении Диоскуриады. Говоря о Себастиополисе, Арриан называет его то Себастиополисом, то Диоскуриадой, оговариваясь иногда, что теперь его называют Себастиополисом.

Сообщения Арриана ясно показывают, что к его времени на месте древней Диоскуриады, разрушенной, по-видимому, незадолго до того, уже образовалось римское военное поселение Себастиополис.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно считать, что большинство исследователей приходит к следующему выводу: Диоскуриада была основана не позже 40-30-х годов VI в. до н.э. Ни один источник не дает таких сведений, опираясь на которые можно было бы установить точную дату основания этого города, но с уверенностью можно говорить, что это произошло до 530 г. до н.э., так как, в связи с захватом персами около 20-х годов VI в. до н.э. проливов у Геллеспонта, Милет, как и другие малоазийские города-государства, уже был вынужден прекратить свою колониционную деятельность в Причерноморье. Греки, несомненно, никогда не основывали свои колонии в безлюдных местах, что было связано с их занятиями торговлей и ремеслом, и посреднической ролью между аборигенами и метрополией. Соответственно, они предварительно объезжали, собирали сведения, выясняли географическую, экономическую и политическую обстановку в избранном пункте. По всей видимости, об этом свидетельствует плавание аргонавтов в Кавказское Причерноморье еще во II тыс. до н.э.

Еще одно соображение. Помпоний Мела оставил указание, что Диоскуриада находилась в земле гениохов. В таком же этническом окружении, согласно сообщениям Аристотеля, возник и другой крупный древнегреческий город Колхиды – Фасис. Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) также считает, что страна, где была основана Диоскуриада, называлась Гениохией. Вообще топонимы, связанные с гениохами, были широко распространены в античную эпоху по Западному Кавказу. (Воронов, 1974. С. 74-75.). По мнению Ю.Н.

Воронова, в античных литературных источниках можно выделить две группы сведений о ранних гениохах – сведения мифологического характера и сведения, отражающие культурный и социальный облик этих племен. Что очень важно, всюду гениохи связывались в первую очередь с Диоскуриадой и с ее полубожественными покровителями – Кастором и Полидевком.

Как известно, в начале I тыс. до н.э. население Абхазии (Северная Колхида) составляли носители замечательной позднебронзовой культуры, получившей в литературе название колхидской (в последнее время употребляется название «колхидо-кобанская культурно-историческая общность»). Учитывая, что гениохи упоминаются еще в догреческих письменных источниках, можно допустить, что материальная культура эпохи греческой колонизации Восточного Причерноморья в основном относится к гениохам.

Таким образом, гениохи – это древнейшее население Кавказского Причерноморья, образовавшееся за счет слияния родственных племен, а уже с первых веков I тыс. н.э. название «гениохи» постепенно выходит из употребления, так как вместо них, по крайней мере, на территории нынешней Абхазии, начинают фигурировать ансилы, абазги, саниги – предки нынешних абхазов.

Литература

- Воронов Ю. Н. Материальная культура гениохских племен в VI-I вв. до н.э. – в кн.: Сборник молодых ученых-историков. Сухуми, 1974.
Ельницкий Л. А. Знание древних о северных странах. М., 1961.
Лордкипанидзе Д. Д., Микиладзе Т. К. Восточное Причерноморье (Колхида) VII-V вв. до н.э. Античные письменные источники и археология. Материалы V международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси 1990.
Латышев В. В. Известия древних писателей о скифах и Кавказе. СПб., т. I, 1906.
Нсевдо-Скилак. Вестник Древней истории, № 3, 1947.
Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря – МАК, 2 1889.
Трапш М. М. Древний Сухум. Труды, т. II, Сухуми, 1956
Шамба Г. К. Абхазия в I тыс. до н.э. (по данным письменных и археологических источников) Сухум, 2000.

Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джоуа А. И.
(Москва, Сухум)

ДРЕВНЕЙШИЕ КОНТАКТЫ РЕГИОНА ДИОСКУРИИ С АНТИЧНЫМ МИРОМ. ЭШЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ В АРХАИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Проблема греческой колонизации Северо-восточного берега Понта – территории современной Абхазии еще далека от своего решения. По сообщению Псевдо-Скилака, использовавшего данные перипла VI в. до н.э., здесь упомянуты два города: полис Диоскурия и греческий полис Гюэнос (Гиэнос). Если с последним сейчас сопоставляется городище в районе Очамчирского порта, где найдена греческая керамика второй половины VI в. до н.э. (Шамба, 1988), то собственно в Диоскурии, по берегам современной Сухумской бухты, пока не обнаружены свидетельства контактов с греками ранее V в. до н.э.

В этой связи возрастает значение свидетельств древнейших контактов с античным миром, происходящих из района Нижней Эшеры. На Эшерском городище, находящемся в с. Нижняя Эшера в 10 км к северу от центра Сухума, систематические раскопки под руководством Г.К. Шамба начались в 1967 г. и велись с некоторыми перерывами по 1988 г. Затем они были возобновлены в 2003 г. совместной российско-абхазской экспедицией, которая также с перерывами работала до 2010 г.

Обратимся к этому интереснейшему памятнику площадью 4 гектара. К сожалению, культурный слой на нем нарушен глубокой плантажной впадиной, которая проводилась здесь в 50-60-е гг. прошлого столетия. Культурный слой сохранялся лишь частично у каменных сооружений, стен и башен, где пахать было невозможно.

В результате работ Г.К. Шамба во второй половине XX в. архаический слой был выявлен на небольшом участке верхнего холма

городища под стеной башни эллинистического времени (башня № 1). Здесь были найдены фрагменты керамики VI-V вв. до н.э. Это образцы чаш родосско-ионийской группы с полосами и орнаментом из точечных розеток и груш вертикальных палочек и фрагменты аттических чернофигурных сосудов в основном открытых форм (Шамба, 1979, 1980, 2000).

В 2003 году совместная экспедиция Абхазского института гуманитарных исследований и Государственного музея Востока (руководители Г.К. Шамба и В.Р. Эрлих) также попыталась найти древнейшие слои Эшерского городища. Здесь повезло лишь отчасти. На раскопе № 2 (2003) на восточном обрыве верхнего холма городища была произведена зачистка обрыва и заложен шурф, впоследствии превращенный в раскоп. В этом месте мощность культурного слоя превышала 4 метра. Нижние слои раскопа «слои серой и желтой глины» содержали ямы и строительные остатки архаического времени – некую каменную выкладку, что впервые удалось обнаружить на этом памятнике.

Именно из этого слоя происходят следующие фрагменты импортной керамики. Прежде всего, следует отметить 3 фрагмента восточно-греческого сосуда (рис.1,1). На одном из них сохранились изображения передней части (голова, шея, передняя нога) и задней ноги пасущихся козлов, заполнительного орнамента в виде свастики и точечной розетки, пояса лака и пояса меандра в нижней части фрагмента. На двух других фрагментах – часть ноги козла, заполнительный орнамент и часть пояса меандра. Фрагменты принадлежат крупному сосуду закрытой формы. Вероятно, судя по форме и толщине фрагментов, это была амфора. Сохранность росписи очень плохая, лак практически не сохранился, однако изображение восстанавливается по его следам. Амфоры, являясь не типичной формой для родосско-ионийской керамики, появляются в северной группе в поздний период ее существования, в первой половине VI века до н.э. Наиболее близкую эшерским фрагментам аналогию росписи мы находим на березанской амфоре, которая датируется I четвертью VI в. до н.э. (рис. 1,2).

К восточногреческой керамике, обнаруженной в этом слое, относятся также и несколько фрагментов двуручных чаш с точеч-

ными розетками и группами вертикальных палочек. Эта группа керамики имела широкое распространение. Самые ранние образцы подобных киликов датируются еще концом VII в. до н.э. Особенно типична эта группа для I половины VI века до н.э., а самые поздние образцы доживают почти до конца VI в. до н.э. К сожалению, тогда нам попадались лишь небольшие фрагменты, все они от верхних частей чаш. Только один дает возможность восстановить неполный профиль сосуда (рис. 2,8). Поэтому следует остановиться на широкой датировке этих фрагментов VI-м веком до н.э.

В этом же слое были представлены и образцы аттической чернофигурной керамики. Три фрагмента мелкофигурных киликов. На одном изображена задняя нога копытного животного (рис. 2,5), на другом – часть виноградной лозы и пальметты (рис. 2,4), на третьем – пальметта на стебле, фланкировавшая ручку (рис. 2,2). Они принадлежат так называемым киликам Band-кар с росписью во фризе. Тонкостью росписи отличается фрагмент с изображением ноги животного, на котором сохранились следы применения пурпура. К сожалению, черенок слишком мал для более точного определения его датировки, однако, вероятнее всего он соотносится с группой киликов, самые ранние образцы которых датируются 550 г. до н.э., поздние – 520 г. до н.э. Относительно фрагмента с изображением лозы сказать что-либо, определенное сложно. Мы можем только предположить, что он мог быть украшен росписью с дионисийским сюжетом. Эти сюжеты были широко распространены на поздних мелкофигурных киликах. Пальметта, должно быть, располагалась у ручки и фланкировала композицию.

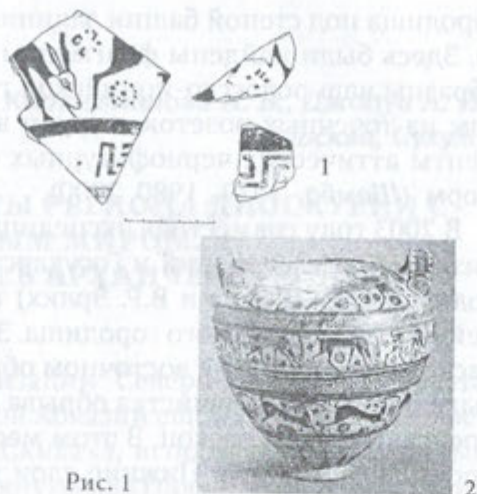

Рис. 1

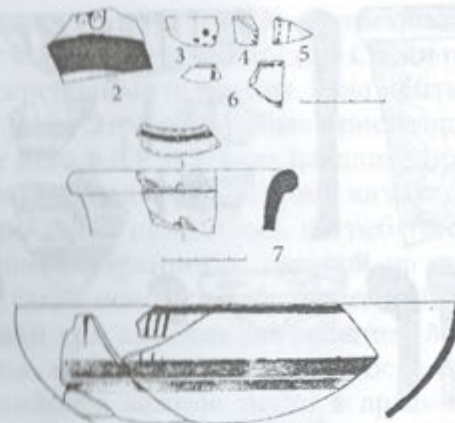

Рис. 2

Среди тарной керамики выделяется несколько фрагментов клазоменских амфор, включая и фрагмент венчика с полосой красной лакообразной краски (рис. 2,7). По классификации П. Дюпона он может быть отнесен к типу А и датирован последней четвертью VI – началом V вв. до н.э.

Таким образом, архаический слой желтой глины, обнаруженный нашей экспедицией в 2003 г. можно датировать VI-началом V в. до н.э., причем не исключается начало его формирования уже в первой четверти IV в.

К северо-западу от Эшерского городища в нескольких сотнях метров находится еще один памятник – поселение и могильник на холме Верещагина. Отсюда происходит еще одна серия архаической греческой керамики.

Памятники Верещагинского холма впервые открыл М.М. Иващенко (1935 г.), в работе которого основное внимание было уделено оссуарным захоронениям, но давалось и описание поселения. Позже Л.Н. Соловьев упоминает холм Верещагина как «поселение колхидского типа». Описание памятников холма Верещагина было дано Б.А. Куфтиным (1949 г.). В конце 1970-х гг. здесь проводили работы Г.К. Шамба и С.М. Шамба.

В 2001 г. здесь были возобновлены работы Эшерской экспедиции Абхазского Института гуманитарных исследований – (руководители Н.К. Шенкао и А.И. Джонга). На участке Тулумджана были заложены и доведены до материка три небольших раскопа размерами 9 на 6, 5 на 4 и 5 на 4 м. Мощность культурного слоя здесь достигала 3,7 м.

Впервые за время изучения этого памятника удалось зафиксировать три культурных слоя. Сверху, на глубину до 1,35 м, здесь был

прослежен слой раннеантичной эпохи, содержащий наряду с местной керамикой небольшое количество привозной посуды. В местной керамике преобладают пифосы, горшки, кухонная и столовая посуда. В раннеантичном

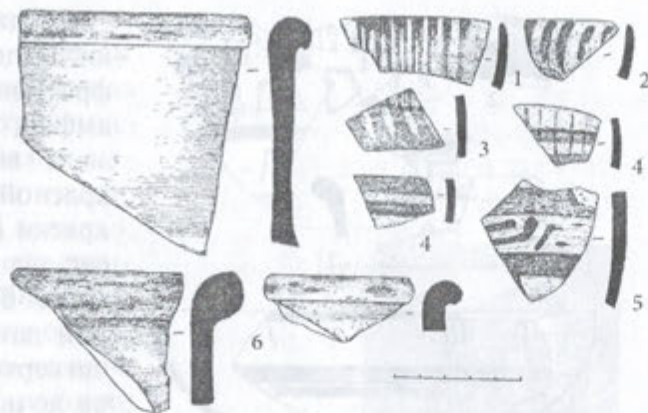

Рис. 3

слое обнаружен железный наконечник копья.

Средний слой, состоящий из двух напластований – темно-бурого и черного, содержит материалы эпохи поздней бронзы – раннего железа.

На глубине 2,6-3,7 м обнаружены крашенная и лощеная керамика и шлифованный каменный топор, который можно отнести к позднему этапу эпохи ранней бронзы.

Архаическая керамика происходит из верхнего раннеантичного слоя памятника. Она немногочисленна. Здесь обнаружены 5 фрагментов края полосатых киликов, украшенных группами вертикальных палочек (рис. 3, 1-4) и фрагмент закрытого родосского сосуда с орнаментом в виде меандра между двух полос лака (рис. 3, 5). Кроме того, было найдено 3 фрагмента венцов клазоменских остродонных амфор с полосой лакообразной краски (рис. 3, 6). В целом фрагменты этой привозной керамики укладываются в пределах VI в. до н.э. Находки архаической греческой керамики в районе Нижней Эшеры не ограничиваются лишь находками на поселениях.

В 100 м к югу от в Эшерского городища было обнаружено богатое погребение всадника в сопровождении трех коней и зависимого лица, обнаруженное в 1977 г. в 100 м к востоку от Эшерского городища уже было предварительно опубликовано (Шамба, 1983). Могилярная яма размером 3х4 м имела четырехугольную форму

с закругленными углами. Примерно в середине ямы прослежены остатки человеческих костей. Среди них находилась одна золотая и две серебряные привески, фрагменты сосуда, фрагменты кинжала или ножа. Этот костяк был ориентирован на северо-восток. Справа от него в 0,8 м стояла раздавленная чернофигурная амфора. Ее крышка находилась в 1,5 м к югу от сосуда. Слева от центрального захоронения находилось погребение «конюха» – мужской костяк хорошей сохранности головой на северо-запад. Слегка согнутые руки были положены на животе. Вплотную к нему с востока примыкали три конских погребения¹ лежавших головами на северо-восток, здесь же обнаружены кости молодого бычка и свиньи.

Наиболее важное место в архаическом комплексе из Нижней Эшеры принадлежит чернофигурной амфоре.

Это крупный сосуд с яйцеобразным туловом, покатыми плечиками, плавно переходящими в широкое горло, завершающееся венчиком в виде перевернутого усеченного конуса (так называемая Belly – амфора, тип А). Ручки имеют закраины, украшенные виноградной лозой. Подставка профилированная, состоит из двух стоящих друг на друге дисков. Нижняя часть амфоры у ножки украшена лучевым орнаментом. Рисунок расположен в метонах, ограниченных сверху орнаментом из соединенных плетенкой пальметок и цветков лотоса. Сторона А: сцена из Дионисийских мистерий. Центральная пара представляет собой Диониса и женскую фигуру в длинных одеждах, стоящих лицом друг к другу. Персонажи изображены статично, выделены обрамляющими их виноградными лозами с кистями винограда. Вероятно, это Дионис и Ариадна или Персефона. За Дионисом, лицом к нему расположены две фигуры: менада и сатир. Они изображены в движении. С правой стороны композиции лицом к остальным персонажам помещена еще одна фигура танцующего сатира, играющего на флейте. Сторона Б: сцена выезда на квадриге. На колеснице запряженной четверкой лошадей помещены две фигуры: возница, за которым расположена фигура воина в панцире и шлеме со щитом и копьями в руках. Перед его головой сохранилась надпись NIKON. За колесницей

¹ По определению Н.И. Бурчак-Абрамовича, кони относились к двум породам – две топконогие скаковые и одна низкорослая (Шамба, 1983, с.33)

расположена фигура в гиматии, лицо которой перекрыто щитом, передняя ее часть – колесницей. Две фигуры воинов в воинском облачении расположены перед колесницей вправо. Одна – непосредственно перед колесницей, другая – за квадригой. Справа, перед квадригой, лицом к композиции расположена еще одна фигура в гиматии. Крупные утраты затрудняют идентификацию персонажей. За надписью NIKON следует крупная утрата, возможно, здесь могло быть написано слово ΚΑΛΟΣ. Можно предположить, что роспись посвящена некоему лицу, победившему в конных воинских соревнованиях. Известна Панафинейская амфора из Вульчи с изображением колесницы и надписью ΚΑΛΟΣ NIKON (см. Beazley ABV, 1956, P. 671).

Роспись выполнена в манере мастера Лисишида, работавшего в мастерского горшечника Андокида (Бизли). Наиболее близки изображению на нашей амфоре росписи на амфорах из Британского музея – 530 гг. до н.э. (CVA, Brit. Mus., 4, pl. 49 (3)), из Бостона – 530 гг. до н.э. (CVA, USA, f. 14, Boston, Museum of Fine Arts. Fasc. 1. Pl. 13), из ГМИИ им. А.С. Пушкина – 530 г. до н.э. (Сидорова, Тугушева, Забелина, 1985, с. 12, кат. 21), из Гос. Эрмитажа – 520-е гг. до н.э. (Горбунова, 1985, с. 59-60, кат. 40).

Форма амфоры, расположение и стиль росписи соответствуют сосудам, выпущенным из мастерской Андокида. Однако следует принять во внимание некоторую небрежность в построении композиции и росписи, не свойственные работам самого мастера Лисишида. Возможно, это работа кого-либо из его последователей. Амфору из Эперы мы можем датировать 530-520-е гг. до н.э.

Осенью 2005 г. также к юго-востоку от Эперского городища в урочище Кутышха были обнаружены остатки богатого воинского захоронения архаического времени. Комплекс был обнаружен при совершении современного захоронения на территории абхазского фамильного кладбища. В связи с этим обстоятельством, доследовать место находки было невозможно. В комплексе входили: фрагментированные железные топор-секира и кинжал-акинак с прямоугольным навершием и почковидным перекрестием, железные двулопастные наконечники стрел, фрагменты маленьких пельчатых железных удил, серебряная височная подвеска, а также

Рис. 4

Самые ранние образцы подобных киликов датируются еще концом VII в. до н.э. Особенно типична эта группа для I половины VI века до н.э., и самые поздние образцы доживают почти до конца VI в. до н.э. К сожалению, сохранность фрагментов очень плохая, роспись не сохранилась, но предположительно они могут быть датированы второй половиной VI в. до н.э.

Свидетельства с античным миром района Эперского городища в архаическую эпоху не ограничиваются только импортной керамикой. Сюда необходимо включить и предметы воинской паноплии.

Прежде всего, это деталь архаического греческого щита из могильника Красный Маяк (рис. 4). Здесь в погребение 7, расположенного на западной окраине Сухума, в 3 км. от Эперских комплексов. В могильной яме этого погребения, в котором не сохранились кости обнаружена бронзовая пластина – накладка на щит, фрагменты наконечников копий и железный нож (Транш, 1969, с. 88-90). Выдвинутой к нему, как указывает М.М. Транш, примыкало конское погребение 8 (Транш, 1969, с. 90), составляющее очевидно с погребением 7 единый комплекс. Следует, однако, отметить, что захоронения коня и лошади, очевидно, совершены в разных ямах, т.к. под человеком прослежена галечная подкладка, а под конем она отсутствовала (Транш, 1969, с. 89-90). Таким образом, можно полагать, что перед нами сопровождающее захоронение коня, совершенное в отдельной яме.

Огромный интерес представляет обнаруженный здесь щит с накладкой в виде орла (рис. 4). Первоначально Ю. Н. Воронов вслед за

Б. Б. Пиотровским (Пиотровский, 1959, с. 245) отнес к кругу скифских, датируя его перовой половиной-серединой VI в. до н.э. В то же время он приводит и греческие параллели подобных щитов, известных по вазонисии (Воронов, 1975, с. 220). Однако, уже в конце 70-х годов он отнес данный щит к произведениям восточно-греческих мастерских второй половины VI в. до н.э. (Воронов, 1979, с. 338-339).

Г. Р. Цецхладзе (1997) и Г. Т. Квирквелия (2002) аргументировали эти предположения, приведя ближайшие аналогии – щит VI в. до н.э. с острова Самос и находку в Олимпии 1938/1938 г. (Цецхладзе, 1997, с. 107-108; Buschor, 1959, S. 215, Abb. 20; Квирквелия, 2002, с. 36). Отметим, что подобные щиты с изображением орла начинают встречаться в греческой вазонисии начиная с седьмого века, например на прото-коринфской вазе с изображением трех конных гоилитов (Greenhalg, 1973, p. 101, fig. 53b), встречаются изображения этих щитов в течение VI в. до н.э. и на посуде аттического и «халкидского» производства (Greenhalg, 1973, p. 112, fig. 56; p. 140, fig. 75). Таким образом, сам по себе щит может быть датирован в пределах VI в. до н.э.

Другой ряд свидетельств контактов местного населения с античным миром в эпоху архаики – это находки племени так называемого эпиперского типа. Это серия из 4 племени, обнаруженных в разное время в окрестностях Эпиперского городища (рис. 5).

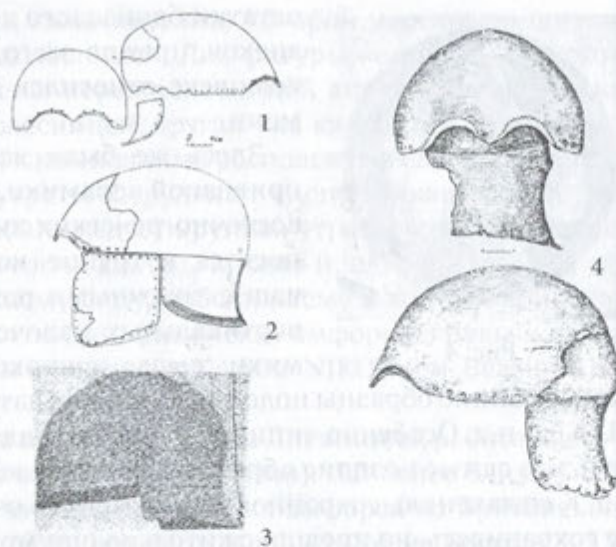

Рис. 5

1. Первый шлем (рис. 5, 1) из погребений, нарушенных при проведении дороги в конце 60-х годов прошлого века к северу от Эпиперского городища, был трижды опубликован Ю. И. Вороновым (Воронов, 1969, с. 50, № 90. Табл. XLVI, 10; Воронов, 1972, Рис. 3, 8-9; Воронов, 1975, с. 224. Рис. 6, 6-9).

2. Второй очень близкий по форме шлем был найден 1971 г. на восточном склоне Холма Верещагина (рис. 5, 2). Он происходил из разрушенного грунтового погребения, в состав которого входили железный кинжал-акинак с бабочковидным перекрестием, бронзовый браслет, железный нож-кинжал с брусковидным навершием (Шамба, 2000, с. 110-111. Рис. 71, 6-9) (рис. 5, 1-4). Комплекс датирован VI-V вв. до н.э. Данный шлем аналогичен предыдущему.

3. Третий шлем этого же типа был найден в 1978 г. у южного основания Холма Верещагина на участке Маркосяна вместе с рядом других предметов (рис. 5, 3). Г. К. Шамба упоминает три железных топора, два железных кинжала-акинака с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Кинжалы имеют желобчатые рукоятки (Шамба, 2000, с. 111). Шлем, как указывает Г. К. Шамба, «почти целый, имеет старую пробоину» (Шамба, 2000, с. 111). Этот шлем был воспроизведен в книге «Древности Эпипера», изданной на абхазском языке в 1980 г. (Шамба, 1980, с. 82. Рис. 2). Судя по приведенной автором фотографии, невысокого качества, у данного шлема также отсутствовали ушные вырезы и имелся массивный назатыльник, по краю которого, как и по нижнему краю оголовья, проходят отверстия. Качество фотографии не позволяет уверенно судить о форме наносника, однако он явно не выступает за нижний край оголовья. В верхней части шлема видна пробина (рис. 1, 3).

4. Наконец, четвертый однотипный шлем был найден уже в послевоенной Абхазии (рис. 5, 4). Шлем был обнаружен в 2000 г. на западной оконечности Холма Верещагина на участке С. Тулумджана в первый сезон возобновившихся работ Эпиперской экспедиции (Там же, с. 7).

Шлем спереди имеет небольшой треугольный выступ-наносник. Как у всей публикуемой серии, у данного шлема отсутствуют вырезы для ушей. Массивный назатыльник сохранился лишь частично.

По его краю проходит шесть отверстий для крепления к нащечникам. Несохранившиеся нащечники подвижно крепились также к нижней части наголовья при помощи семи с одной стороны и восьми – с другой, отверстий. Надглазные вырезы оформлены линией мелких округлых вдавлений, среди которых также имеются мелкие отверстия с остатками бронзовой проволоки, очевидно, для крепления мягкой подкладки каски. Высота плема с назатыльником 23,5 см; продольное сечение – 23 см., поперечное сечение – 18 см (рис.2).

Таким образом, для всей серии из четырех племов, обнаруженных в окрестностях Эперского городища в разные годы характерны следующие признаки: 1. Короткий треугольный наносник; 2. Массивный назатыльник; 3. Отсутствие ушных вырезов; 4. Съёмные и очевидно легко отгибаемые нащечники-науши подтрапецевидной формы, прикрывающие уши, крепящиеся при помощи отверстий к назатыльнику и нижней части плема.

По общей форме наголовья эперские племя можно отнести к группе халкидских открытых неглубоких племов, которые также называют аттическими, поскольку именно они изображались в аттической вазописи. Типология этих племов была разработана Е. Кунзе (на племах из Олимпии) и Г.Пфлюгом. Эперские наголовья близки к типу V по Пфлюгу или группе VII по Кунзе (Pflug, 1988.S.138. Abb.2). Эти племя имеют съёмные и подвижные нащечники и укороченный наносник. Нащечники крепились на шарнирах и при желании могли подниматься. Пфлюг приводит изображение воина в халкидском племе с поднятыми нащечниками с краснофигурного аттического сосуда, датирующегося началом V в. до н.э. (Pflug, 1988.S.144. Abb.10). Именно такие фрагментированные племя с шарнирными нащечниками были найдены в погребениях 1979 и 1985 гг. в урочище Ахул-Абаа в Сухуме, в комплексе IV в. до н.э. (Воронов, 1991. С.227. Рис.2, 3) (рис. 3, 1, 2). Очевидно к этому же типу можно отнести и фрагменты других абхазских племов IV в. до н.э. из устья р. Келасури и территории Эперского городища (Воронов, 1975. Рис. 6, 1-3; 13-20).

Однако существенное отличие халкидских племов типа V от наголовий вышеописанной эперской серии, заключается в том, что

у них нащечник не крепится к назатыльнику и между местом крепления нащечника и назатыльником имеется вырез для уха. В связи с этим иной является и форма самого нащечника (рис. 3, 3).

В то же время, у приведенного Пфлюгом халкидском племе молодого воина из восточной группы скульптур с фронтона храма Афины Афайи на острове Эгина (490 г. до н.э.), хранящейся в библиотеке Мюнхена, ушные вырезы отсутствуют. Этот плем неглубокий, нижний край оголовья слегка заходит за ухо воина (Pflug, 1988.S. 145. Abb.11, 12) (рис. 4, 2). Весьма близка эперской серии и форма лицевой части плема на эгинской скульптуре (рис 4, 1a; 2a).

Однако плем из Эгины также не может быть полной аналогией племам эперской серии, так как он имел не наушники, а утраченные нащечники, о чем свидетельствуют сохранившиеся отверстия.

Возвращаясь к племам из Эперы, можно предположить, что мы имеем дело с какой-то особой серией греческих племов, связанных с ранними халкидскими. Они имели подвижные нащечники-наушники, очевидно нашитые на ткань или какую-то мягкую подкладку при помощи отверстий и подвижно скрепленных с оголовьем, полностью прикрывающие не только щеки, но и уши воина.

Весьма интересна и концентрация этих племов, по-видимому, являющихся продукцией одной мастерской, в районе Эперского городища. Дважды, эти племя были обнаружены вместе с железными «акинаками» (рис. 5, 2, 5,7), что говорит скорее об их отнесении к раннеантичному времени, чем к IV в. до н.э. Отметим, что такой признак как желобчатая рукоять у кинжалов с брусковидным навершием и почковидным или бабочковидным перекрестием на Юге Восточной Европы и в Предкавказье являются архаическим признаком, вероятно, восходящим к биметаллическим «акинакам». Подобные кинжалы на Юге Восточной Европы и Северном Кавказе датируются в пределах второй половины VII-первой половины V в. до н.э. (Шрамко, 1984. С.31, 32. Рис. 4, 6-9; Рис. 5, 1-6; Эрлих, 1988. С.419; Эрлих, 1992. С. 4,5). В то же время, собственно халкидские племя, появляются на аттических вазах в не раньше третьей четверти VI в. до н.э. (Pflug, 1988.S. 137).

В своей статье 2008 г. мы предложили в качестве временного интервала для бытования эперской серии племов период середи-

на VI – первая половина V вв. до н.э. В то же время недавняя находка подобного племени в районе г. Туансе в комплексе с трехпестельчатым псалием, скорее всего, свидетельствует о том, что эти племена надо распространять и на первую половину VI в. до н.э., поскольку в меотской культуре трехпестельчатые псалии выходят из употребления уже в середине VI в. до н.э.

Таким образом, в районе Эперского городища обнаружена серия из 4 племени со съемными напечниками-наунами, относящихся к периоду архаики и являющейся предположительно продукцией одной, вероятно, восточногреческой мастерской.

И последний элемент архаического греческого защитного вооружения это фрагментированный панцирь из уже упомянутого погребения Кутыша.

Бронзовый панцирный доспех состоял из кованного бронзового листа нагрудника-«кирасы», от которого сохранилось несколько фрагментов и около 3 тыс. бронзовых чешуек полуовальной формы с двумя отверстиями. Набор чешуек – правосторонний. Отметим, что отдельные чешуйки в Восточном Причерноморье были встречены на самом Эперском городище и городище Вани (*Шамба*, 1980, таб. LXVI, 4; Вани I, рис. 79, 7; Лордкипанидзе, 1978, с.183, рис.153). Многочисленные фрагменты панциря обнаружены в погребении 8 могильника Саирхе в Верхней Имеретии (*Надирадзе*, 1990, с.; Bill, 2003, Abb., 133,11). Он датируется по встреченным здесь импортам V в. до н.э.

В то же время подобный комбинированный панцирь встречен в Закавказье впервые. Отметим, что бронзовые «кирасы» не характерны для скифов Северного Причерноморья, которые уже в конце VIII-начале VII вв. заимствуют в Передней Азии идею чешуйчатого доспеха, используют его до конца скифской эпохи. В то же время сплошные панцири известны в Греческом мире с конца VIII века до н.э. В архаический период известны так называемые «колоколовидные» панцири, закрывающие весь корпус воина (*Snodgrass*, 1964, p.72, 73; pl.30). Судя по имеющимся фрагментам, невысокая «кираса» прикрывала только грудь воина, имея выпуклости грудных мышц. Ниже находились «ниланка» с отверстиями, к которой возможно крепилась кожа с не бронзовыми пластинами. Исследо-

ватели отмечают, судя по изображениям на вазах что такой признак как выпуклые «грудные мышцы», на греческих панцирях появляются к середине VI в. до н.э., что является шагом к переходу к «мускульной кирасе» (*Jarva*, 1995, с. 25, 26; *Виноградов*, 2005, с. 265). О том, что греки использовали и чешуйчатые панцири свидетельствует ряд изображений на вазах, а также отдельные находки панцирных чешуек на античных памятниках (*Snodgrass*, 1964, p.84-86). В какой-то мере реконструировать наш панцирь помогает изображение на краснофигурном килике 510-500 года, с изображением Ахилла и Патрокла (рис. 7) (*Boardman*, 1985, fig.50,1). На этом изображении панцирь на героях разделен на три части: верхняя закрывающая грудь, средняя – живот до пояса и нижняя – «юбочка» с вертикальными пластинами. Части отделены на этом панцире лентой меандра. На основании этого изображения, мы можем лишь предположить, что чешуйчатыми пластинами был бронирован живот и спина, плечи. В то время как грудь защищал сплошной нагрудник, к которому снизу крепилась основа части с панцирными чешуйками. Греческое происхождение вроде бы подтверждает и состав металла панциря, который, по заключению И.Г. Равич, был выполнен из свинцово-оловянистой бронзы, прокованной в холодную.

Подводя итог нашему обзору, мы хотим отметить следующее. В эпоху архаики, а именно с первой половины VI в. до н.э. в районе Диоскурии, в окрестностях Эперского городища и его окрестностях начинают проследиваться торгово-обменные связи с греками, прежде всего, с восточно-греческим миром. Эти контакты проявляются как в использовании местной «колхидской» элитой импортной посуды (амфор, киликов), так и защитного вооружения.

Таким образом, материалы Нижней Эперы и окрестностей позволяют предполагать, что район Диоскурии безусловно попадает в сферу Великой греческой колонизации уже по крайней мере в начале VI в. до н.э. В то же время прямых данных о постоянном присутствии здесь греков-колонистов в эпоху архаики пока не появилось. Возможно, это и объясняет отсутствие в перипле Псевдо-Скилака указание на то, что Диоскурия – полис эллинский.

Литература

- Вани И. Археологические раскопки 1947-1969. Тбилиси, 1972.
- Виноградов Ю.А. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005.
- Воронов Ю.И. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969
- Воронов Ю.И. Об Эпирском городище // СА. 1972. № 1.
- Воронов Ю.И. Вооружение древнеабхазских племен в VI-IV вв. до н.э. // Скифский мир. Киев, 1975.
- Воронов Ю.И. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады. // СА. 1991. № 1.
- Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1985
- Квирквелия Г.Т. Обладка гошитского щита с изображением орла из Колхиды. //
- Лордкипанидзе Г.А. Колхида в VI-II вв. до н.э. Тбилиси, 1978.
- Международные отношения в бассейне Черного моря в Древности и Средние века. Материалы X международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2002.
- Надирадзе Л.И. Саирхе – древнейший город Грузии. Тбилиси, 1990 (на груз. языке).
- Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 1985
- Трапиш М.М. Труды, т. II. Сухуми, 1971.
- Цецхладзе Г.Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. // ВДИ, 1997, № 2
- Шамба Г.К. Раннеантичный импорт Эпирского городища (керамика) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979
- Шамба Г.К. Эпирское городище. Тбилиси, 1980.
- Шамба Г.К. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми. // КСИА, 1974, М., 1983.
- Шамба Г.К. Археологические памятники Абхазии (на абх. яз.). Сухуми, 1988.
- Шамба Г.К. Абхазия в первом тысячелетии до н.э. Сухум, 2000.
- Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения. // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Эрлих В.Р. Мечи скифского облика из могильника у аула Уляги // Древний и средневековый Восток. М., 1988.
- Эрлих В.Р. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубания в скифское время. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1992.
- Beazley J.D. Attic Black-Figure Vase-painter. Oxford, 1956.
- Bill A. Studien zu den Gräbern des 6. bis I. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn, 2003.
- Boardman John. Athenian Red Figure Vases. The Archaic Period. London, 1975
- Buxchor E. Samos 1952-1957. Neue deutsche Ausgrabungen im Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient. B., 1959.
- CVA, Brit. Mus., 4 – Walters H.B. Corpus Vasorum Antiquorum. Great Britain, fasc. 4. British Museum, fasc. 3. London, 1927
- CVA, USA, f. 14, Boston, Museum of Fine Arts. Fasc. 1 – Hoffmann H. Corpus Vasorum Antiquorum. Museum of Fine Arts, Boston. Attic Black-figured Amphorae.
- Greenhalgh P.A.L. Early Greek warfare horsemen and chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973.
- Pflug H. Chalkidische Helme // Antike Helme. Monographien des RGZM, Bd. 14. Mainz, 1988.
- Jarva E. Archaologia on Archaic Greek Body Armour. Rovaniemi, 1995.
- Snodgrass A. Early Greek armour and weapons from the end of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh, 1964.

Чандрасекаран Суджата
(Берлин)

АБХАЗЫ И РОЛЬ ДИОСКУРИИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ МИРЕ

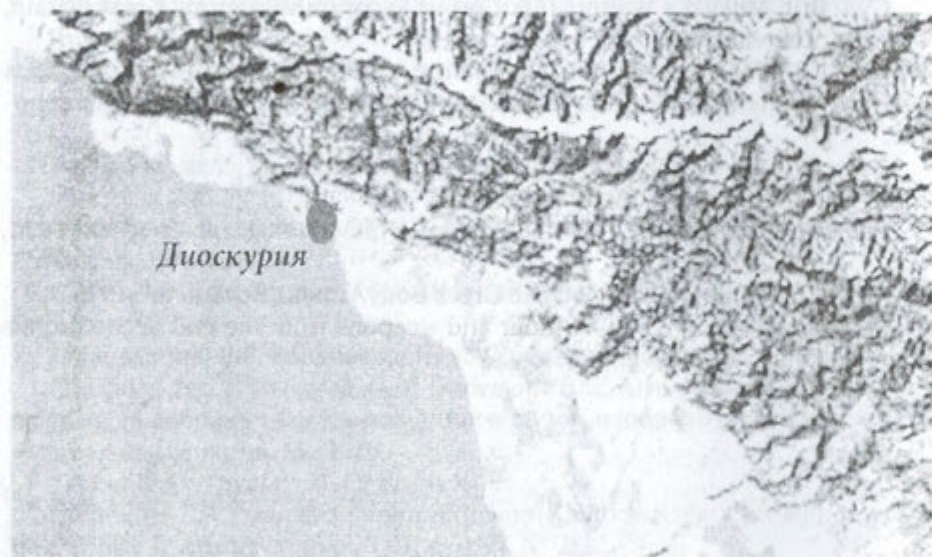

Рис. 1. Карта с указанием древней Диоскурии.
(С. Чандрасекаран по карте © Google Maps)

Древняя Диоскурия упоминается в античных источниках. Самые ранние сведения о существовании города с названием находим у Ксенофонта (V-IV вв. до н.э.) (Braund, 1994 112-17, 139-40) – но в основном у авторов римского времени – у Страбона [1, 11], Диодора [13.3], Аппиана [15], Арриана [12] и Анон. [PPE 9.22, 9.23],

Аммиана [R.G. 22.8], Плиния [6.5]. В то же время, археологический материал из района Сухума указывает на активные соотношения между древними греками и местными племенами уже в VI-V вв. до н.э.

О самих жителях района Диоскурии и вообще о Древней Колхиде малоизвестно. Античные авторы упоминают названия разных племен – например колхи [Аппиан 103], *гениохи* [Страбон 11.2.12] и *абазги* [Прокопий 8.3]. (См. за дискуссию о сложностях определения племен Колхиды Braund, 1994, особ. с. 12.) О присутствии представителей этих племен на греческих территориях существуют в скромном количестве эпиграфические и письменные сведения, начиная с конца V в. до н.э.

Недавно появились новые сведения совсем другого типа о присутствии кавказцев на греческих территориях еще в VI в. до н.э.: речь идет об образцах, касающихся древнекавказских языков. В двух работах 2014 и 2012 гг., группа ведущих лингвистов-специалистов по древнекавказским языкам из Северной Америки (Mayor, Colarusso и Saunders) представила ряд надписей на аттических расписных вазах VI-V вв. до н.э. Сами вазы давно известны и относятся к крупным музейным коллекциям мира. Надписи, рассматриваемые лингвистами-специалистами, относятся к особой категории надписей – надписи группы «нонсенс». Это – надписи, нанесены на вазы греческими буквами и якобы передают бессмысленные сочетания странных для греков звуки. До появления вышеуказанных работ Mayor, Colarusso и Saunders, надписи считались непереводаемыми, так называемые «нонсенс». В настоящее время известно более 1500 таких надписей (Mayor, Colarusso и Saunders, 2014, с. 448 прим. 4). В своих исследованиях лингвисты детально рассмотрели около 20 (Mayor, Colarusso и Saunders, 2012, 13), из которых в 12 случаях смогли распознать конкретную речь на древнекавказских языках (Mayor, Colarusso и Saunders, 2014). Весьма значительно, что Mayor, Colarusso и Saunders смогли различить разные языки и языковые группы: общечеркесский т.е. адыгейский, кабардинский и черкесский (Карачаево-Черкесии), абхазский, убыхский и др. (рис. 2).

Рис. 2. Карта распространения современных кавказских языков. (По Mayor, Colarusso и Saunders 2014, Map 2)

Для данной работы главное значение имеет случай, где представлена древнеабхазская речь.

Рис. 3. Краснофигурная аттическая амфора, т.н. ваза Евфимида. Мюнхен, Antikensammlung 2308/ 510-500 до н.э. Из Вульчи. (По Furtwängler и Reichhold 1909, Taf. 81.)

На аттической краснофигурной амфоре, датирующей последним десятилетием VI в. до н.э., из античного собрания Мюнхена,

Рис. 4. Аттическая чернофигурная ольпа, приписывается группе Леагра Музей Вилла Гетти, Malibu 86.АЕ.130. 525-510 до н.э. Место находки неизвестно. (По фотографии © J. Paul Getty Museum, digital image courtesy of the Getty's Open Content Program.)

изображены две женщины в восточном костюме, рядом с ними собака (рис. 4). Имеются сопровождающие надписи у голов, передающие древнеабхазскую речь: ОНΕ(Υ)Ν (онойн), что переводится как 'они были там' или 'мы помогаем друг другу', и ΚΕ(Υ)Ν (койн), что переводится как 'собаку опускай'. (Mayor, Colarusso и Saunders, 2014. С. 477-478)

Еще одна краснофигурная аттическая амфора 510-500 гг. до н.э. показывает воина с собакой, мужчину в длинном хитоне и мужчину в восточной одежде (рис. 5). Фигуры сопровождаются четырьмя надписями: (слева направо) ΚΙΣΙ (кизи), ΓΕΧΓΟΓΧ (gexgogx), ΧΕΧΓΙΟΧΕΧΟΓΕ (хехгиохехохе), ΧΛΕΙΟΠΧΙΟ (хлейопхио). Трое из надписей

изображена сцена с тремя мужскими фигурами: в центре воин в хитоне готовящийся к битве, а по сторонам двое мужчин в восточном костюме, подающие воину предметы оружия и доспех (рис. 3). Все фигуры сопровождаются надписями, из которых лишь одна, рядом с главным воином, причисляется к типу «нонсенс»: ΧΥΧΟΣΠΙ (хухозпи), что передается на древнеабхазском как «восторженным криком» или «боевым кличем».

На аттической чернофигурной ольпе, датирующей последней четвертью VI в. до н.э., хранящейся в Малибу, изображены две жен-

Рис. 5. Аттическая краснофигурная амфора, приписывается Дикайосу. Лондон, Британский музей E255. Ок. 510–500 до н.э. Из Вульчи. (По фотографии © British Museum, CC License)

представляют общечеркесский язык: ΚΙΣΙ («вот его друг»), ΧΕΧΓΙΟ-ΧΕΧΟΓΕ («из храбрых избранный») и ΧΑΕΙΟΠΙΧΙΟ («потомок дочери большого человека»). А четвертая надпись, вторая слева выражение ΓΕΧΓΟΓΧ переводится с древнеабхазского языка как «храбрый противник» (Mayor, Colarusso u Saunders, 2014. С. 481–483).

Изученные лингвистами Mayor, Colarusso и Saunders надписи передают в первую очередь общечеркесскую речь, потом абхазскую. В единичных случаях представлены элементы убыхского и даже грузинского и осетинского языков. Изученные надписи всегда являются рядом с фигурами, а не отдельно.

Сопровождаемые надписями мужские фигуры представляются в костюме восточного воина (рис. 3, 5): на теле кафтан и длинные штаны – оба с орнаментом зигзага или звездоподобным узором, на голове мягкий убор в виде колпака-бапшыка с округлым верхом и длинными лопастями, в руках оружие или доспех – меч, лук/стрелу, топор, щит, на бедрах – горит. Мужчины могут быть бородатыми или без бороды (в представленных здесь случаях с надписями, передающими абхазскую речь – без бороды). Таким образом, общий образ мужских фигур, сопровождаемый надписями «нонсенс», соответствует общему образу восточного воина-стрелка («скифа») на других аттических вазах поздней архаики (Ivantchik, 2006, особенно с. 231; ср. также Boardman, 1975, рис. 12, 13, 17, 77, 237, 279, 283, 303.1, 303.2.).

Женские фигуры с надписями «нонсенс» изображаются более разнообразно. Они одеты иногда в кратком хитоне, иногда в кафтане и штанах с восточным орнаментом-узором (рис. 4). На голове бывает мягкий бапшык с округлым верхом и лопастями (рис. 4), как у мужских фигур, а также иногда плащ античного типа. В некоторых случаях головной убор отсутствует. Женщины держат в руках лук-стрелу или копье, в иной раз щит в виде пелтасы. На бедрах иногда как мужчины носят горит. Образы женских фигур с надписями «нонсенс» соответствуют общему образу «амазонок» на других аттических вазах поздней архаики (ср. Boardman, 1975, рис. 9, 29, 149, 209, 298).

Стоит отметить, что на наших вазах фигуры восточных воинов в сценах играют лишь вторичную роль – они изображены по сторонам сцен, поддерживающие центральную фигуру героя-воина как его помощники – *ὑπηρέται*, что также соответствует общему образу восточного воина-стрелка на других расписных вазах того же периода (Ivantchik, 2006, с. 197). Зато фигуры женщин-«амазонок» на наших вазах переданы в центре сцен в качестве главного героя сюжета.

Сведения поздне-архаического времени о присутствии кавказцев в греческом мире

Кроме представленных здесь надписей, представляющих древнеабхазскую речь, существуют и другие письменные сведения о присутствии лиц из древней Колхиды на греческих территориях в поздне-архаическое время. К самым ранним примерам относится аттическая чернофигурная ойнохойя из Вульчи, хранящаяся в Берлинском античном собрании (Antikensammlung F1732). Она датируется 575–525 вв. до н.э. и приписывается вазописцу Лидосу. Хорошо сохранившаяся надпись *κολχος μεποιεσεν* (сделан/изготовлен Колхосом) указывает на самого гончара *κολχος* (Колхос).

Афинский писатель V в. до н.э. Софокл упоминает брата Медеи и сына Аэта *Ancipma* (фр. 546), имя которого определяется лингвистами как абхазское (Mayor, Colarusso u Saunders, 2014, с. 451 особ. прим. 23).

К более поздним сведениям о присутствии уроженцев Колхиды в греческих местностях, в частности в Аттике, причисляем образцы из эпиграфического материала.

К этому относится упоминание об одном мужском колхидском рабе на стеле 415-414 гг. до н.э. из Афин или Аттики, где представлен список имущества Кефисодора (Lewis и др., 1991-98, 421; Braund u Tsetskhladze, 1989, 123).

Другая аттическая погребальная надпись рассказывает о смерти одной колхидской женщины – Евросины, которая являлась женой или рабыней некоего Херемона (Braund u Tsetskhladze, 1989, 123).

Еще одна греческая надпись II в. до н.э. сообщает о рабыне из Колхиды в Дельфах с именем Калло. (SGDI 2218; Braund u Tsetskhladze, 1989, 123).

В римское время писатель Афиней (II-III вв. н.э.) упоминает двух историков, которые указывают на присутствие рабов-колхов на острове Хиос (Афиней 6.266е; Braund u Tsetskhladze, 1989, 124).

Рис. 6. Карта распространения подобных ваз. (По карте © Teacher Websites © 2015 Blackboard: 4.0 Ancient Empires, 700 B.C.-221 B.C. December 2015.)

Распространение всех изученных ваз с переводимыми надписями «нонсенс» показывает любопытную картину (рис. 6). Хотя практически все вазы являются аттической продукцией, ни одна не была найдена на территории древней Аттики. Из ваз с известным

местом находки некоторые были найдены близ Суз на Ближнем Востоке, а большинство в районе Вульчи (Этрурии).

Что касается вопроса о том, как попадали уроженцы Колхиды в греческие местности, можно обратиться к Геродоту. По его словам, представители населения Колхиды сражались в составе персидской армии, воюющей в Греции [Геродот 7.79]. Не исключено, что некоторые из них за это время могли попасть в плен к грекам и стать рабами, оставаясь на греческой территории. По другим предположениям, выходцы с Кавказа могли бы попасть на греческую территорию в качестве наемников (Vos, 1963. С. 65-69).

Гораздо больше сведений о том, что уроженцы Колхиды, в том числе и из района Диоскурии, поступали в греческие территории в качестве рабов, приобретаемых прямо в самой Колхиде, например, на крупнейшем рынке в Диоскурии.

Страбон [11.2.16, 11.5.6] описывает Диоскурию как «...общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи; сюда сходятся, говорят, 70 народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже 300; все они говорят на разных языках...». Плиний [6.5] описывает примерно то же самое, передавая представления Тимосфена III в. до н.э.

Хотя ни Страбон и ни Плиний не указывают на Диоскурию именно как на центр работорговли, другие античные авторы передают информацию именно о работорговле в Колхиде в разные периоды античности. Еще в V в. до н.э. Геродот описывает, как Колхида присылала 100 молодых мужчин и 100 девушек в качестве рабов в Персию [3.97]. Много позже, в VI в. н.э. Прокопий также рассказывает о работорговле в Колхиде [2.15.5]. По его же сведениям, вожди абазгов часто захватывали в рабство юношей из собственных племен и продавали их в Византию [8.3]. Также напомним о приведенных выше письменных и эпиграфических упоминаниях эллинистического и римского времени о колхидских рабах на греческой территории, означенных просто с указанием функции раба с местом происхождения (из Колхиды, колхидский) и реже в качестве этнонимов (колхос). Перечисленные здесь сведения позволяют приписать древнему городу Диоскурии роль крупного центра торговли с различными товарами, включая рабов.

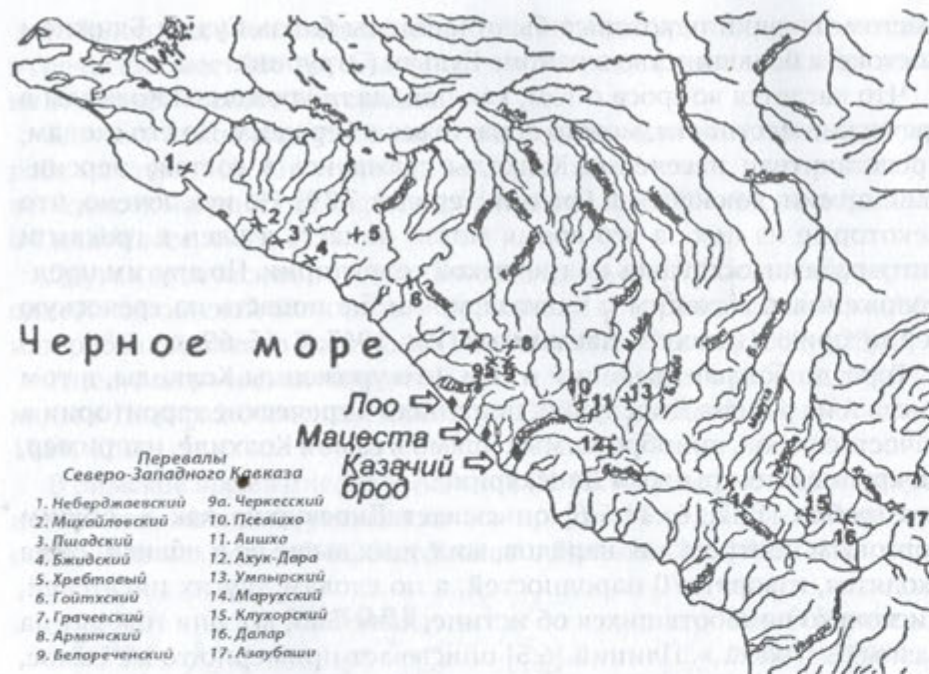

Рис. 7. Карта перевальной системы Северо-Западного Кавказа.
(По Раев 2006, рис. 1)

Удачное расположение города у реки Колдор и у выхода к перевальной системе было удобно работоторговцам (рис. 7), везущим свои товары из разных точек Северного и Южного Кавказа через перевалы или речным путём (см. Раев, 2006 для подобного описания разных маршрутов). О взаимоотношениях с греками еще в позднелархейское время свидетельствуют археологические находки из Диоскурии и в ее окрестностях. В районе Эшерского городища, в Кутынхе, были найдены фрагменты двух восточногреческих киликов, датирующиеся началом VI в. до н.э. (Шамба, Эрлих, Джоуа, Ксенофонт, 2006). К тому же надо учесть значительное количество керамических фрагментов из этого района с общей датировкой VI в. до н.э., которая представляла продукцию родос-

Рис. 8. Ваза из Нижней Эшеры, работа мастерской Андокида и приписываемая вазописцу Лисиппиду. 530-520-е гг. до н.э.
(Фотография: В. Р. Эрлих)

ского языка и относятся к группе самых ранних проявлений кавказских языков, по нашим данным. Место производства большинства vaz (Аттика) и их место находки (в основном Этрурия) доказывают присутствие древних абхазов и других уроженцев Кавказа на греческих территориях еще в VI в. до н.э., т.е. вскоре после времени колонизации, но до создания Боспорского царства. Тем самым, данные надписи появляются раньше всех известных, конкретных упоминаний о народах Северного и Восточного Причерноморья в

ско-ионийскую, восточно-греческую, ионийскую, аттическую и милетскую (Воронов, 2006. С. 111-112; Шамба, 1979. С. 22-31, 490). Из Нижней Эшеры происходит известная чернофигурная амфора 530-520-е гг. до н.э., хранящаяся в Абхазском Государственном музее г. Сухума (рис. 8). (Шамба, Эрлих, Джоуа, Ксенофонт, 2006). Известны и предметы доспеха этого же периода. К ним относится щит с накладкой в виде орла, датирующийся второй половиной VI в. до н.э. (Шамба, Эрлих, Джоуа, Ксенофонт, 2006). Сюда же относятся и ряд шлемов так называемого «эшерского типа» из района Эшерского городища, которые датируются VI-V вв. до н.э. (Эрлих и Джоуа, 2008, особ. С. 83).

Таким образом, представленные в этой работе надписи конца VI и начала V вв. до н.э. являются самыми ранними нам известными примерами древнего абхазского языка и относятся к группе самых ранних проявлений кавказских языков, по нашим данным.

античных источниках (кроме упоминаний о мифологических персонажах, связанных с легендой об аргонавтах в древней Колхиде).

Отметим, что надписи сопровождают и подчеркивают фигуры представляющие восточный идеал. Это, в первую очередь, – военная сила варвара. Предполагаем, что разные кавказские языки впечатляли греков своими необыкновенными звуками и произношением. Тем не менее, ни надписи, ни фигуры не указывают на реальную роль и функцию кавказцев, в частности абхазов, в греческом обществе VI-V вв. до н.э., и вопрос о возможном присутствии и реальной роли кавказцев в керамические мастерские Аттики остается открытым.

Скорее всего, абхазы, как и другие кавказцы, еще в VI в. до н.э. были привезены в древнюю Грецию в качестве рабов (хотя кавказские женщины могли бы переехать туда как законные жены). Возможно, что их привозили из окрестностей Диоскурии и из других точек Западного Кавказа через перевальные и речные маршруты на крупный рынок и место работоторговли – в Диоскурию, где представители разных кавказских племен и греки собирались для приобретения кавказских и абхазских рабов.

Литература

Arrian – Arrian, *Anabasis* // *Flavii Arriani Anabasis Alexandri*. Arrian. A.G. Roos. In aedibus B. G. Teubneri. Leipzig. 1907. Perseus Digital Library Project. Ed. Gregory R. Crane. Tufts University. 03.04.2012. <<http://www.perseus.tufts.edu>>.

Ammian – Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum*. // *Ammianus Marcellinus*. With An English Translation. John C. Rolfe, Ph.D., Litt.D. Cambridge. Cambridge, Mass., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd. 1935–1940. Perseus Digital Library Project. Ed. Gregory R. Crane. Tufts University. 09.10.2011. <<http://www.perseus.tufts.edu>>.

Appian – Appian. The Foreign Wars. Horace White. New York. THE MACMILLAN COMPANY. 1899. Perseus Digital Library Project. Ed. Gregory R. Crane. Tufts University. 14.12.2015. <<http://www.perseus.tufts.edu>>.

Athenaeus = Athenaeus. The Learned Banqueters, Vol. III Books 6–7. Edited and translated by D. Olson (Ред.) Loeb Classical Library 224. Cambridge/London, Harvard University Press. 2008.

Herodotus. История. // *Herodotus, with an English translation by A. D. Godley*. Cambridge. Harvard University Press. 1920. Perseus Digital Library Project. Ed. Gregory R. Crane. Tufts University. 27.05.2011. <<http://www.perseus.tufts.edu>>.

Pliny the Elder. Естественная история // *The Natural History*. Pliny the Elder. John Bostock, M.D., F.R.S. H.T. Riley, Esq., B.A. London. Taylor and Francis, Red Lion Court, Fleet Street. 1855. Perseus Digital Library Project. Ed. Gregory R. Crane. Tufts University. 01.09.2011. <<http://www.perseus.tufts.edu>>.

Sophocles Fragments. Edited and Translated by Hugh Lloyd-Jones. Loeb Classical Library. Cambridge/London, Harvard University Press. 2006.

Strabo. География // *Strabo*. ed. H. L. Jones. The Geography of Strabo. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann, Ltd. Perseus Digital Library Project. Ed. Gregory R. Crane. Tufts University. 03.03.2011. <<http://www.perseus.tufts.edu>>.

Воронов Ю.Н. 2006. Колхида в железном веке // О. Х. Бражба, В. Б. Ковалевская, И.И. Цвиняриа, С. В. Воронова (ред.), Ю. И. Воронов. Научные труды в семи томах. Том первый. Сухум, Абхазский институт гуманитарных исследований.

Раев Б. А. 2006. Святилище на р. Мзымта и транзитные пути через перевали Северо-западного Кавказа. // Первая абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю. Н. Воронова. С 04–307. Сухум.

Шамба Г. К. 1979. Раннеантичный импорт Эпирского городища (керамика). // Материалы по археологии 1979.

Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В. 2006. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии. // Вестник Академии наук Абхазии. Вып. 2. Сухум.

Эрлих В. Р., Джопуа А. И. 2008. Об одном типе греческих племен из центральной Абхазии. // Российская археология 2008/2.

Boardman J. 1975. Athenian Red Figure Vases – The Archaic Period. London, Thames and Hudson.

Braund D. 1994. Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia. 550 BC–AD 562. Oxford.

Braund D. u Tsetskhladze G. 1998. The Export of Slaves from Colchis. // The Classical Quarterly, New Series, 39/1.

Furtwängler A., Reichhold K. 1909. Griechische Vasenmalerei: Auswahl hervorragender Vasenbilder, Serie II – Tafeln. München, Bruckmann.

Ivantchik A. 2006. 'Scythian' Archers on Archaic Attic Vases: Problems of Interpretation. // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 12/2006.

Lewis, D.M., Jeffery, L. H., Erxleben, E. и Hallof, K. (Ред-ы). 1981-1998. In: *scriptiones Graecae. Vol. I Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores. Editio tertia.* – (45 inscriptions)

Mayor A., Colarusso, J. u Saunders, D. 2014. *Making Sense of Nonsense Inscriptions Associated with Amazons and Scythians on Athenian Vases.* // *Hesperia* 83/2014.

Mayor A., Colarusso, J. u Saunders, D. 2012. *Making Sense of Nonsense Inscriptions Associated with Amazons and Scythians on Athenian Vases.* // Princeton/Stanford Working Papers in Classics.

SGDI – *Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, II. Epirus, Akarnanien, Aetolien, ...*, by Johannes Baunack (Delphi) and others, ed. Hermann Collitz. Göttingen 1885-1899.

Vos M.F. 1963. *Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting.* Groningen.

Трапшъ Гиуль Ецъе
(Акъа)

ДИОСКУРИА ИАЗКУ АМАТЕРИАЛҚАА, ОСМАНТӘИ АРХИВ АКНЫТӘ

Кавказтәи аһьхакъа Кавказ ду еиһыршоит нхытди аахытди хәа. Ацсны аахытд Кавказ иатданакусит. Кавказтәи аһьхакъаеи Ингури – Ёһсоуи азиаскъа рыбжьара, Амшын Еикъа аһьпахәаеи иһьтоун. Археологиатәи антропологиатәи атдарақәа иаадырһуеит Аһьсуа хәһызкь пыкәса еиҳаны абри адгьыл аеи иһынхо. Аһьсуа жәлар рыһьатә ажәытәзатәи абазгаи, аһьсилаи, мсымаи ажәларқәа ракәын.

Хара хәра XII аһьыһыкәса инаркны аһьсуа ахра амч ду змаз ахәынткаррақәа ируакын амшын еикъа аһьпахәаеи. Аһьсуа ахра XX–XII аһьыһыкәсқәа раан амратанәаратәи Кырттәыла анаһьы иаанагеит. Аха амонголцәа имәаһьыргаз амһытдахалара иахкәаны аһьсуа ахра ажәтәтәи адгьылқәарахь ииасит. Нас аамтала араһьцәа, аперсцәа, византиаа, османтәи аимпериаа, аурыс ахра амчра ргеит аһьсуа ахра адгьылқәарәи.

Османтәи аимпериа аамтазы аһьсуаа рахра рһаһәи иһан, амчраһьы рыман Шерваһизе-Чачаа. Аха 1434 шыкәсазы Османтәи аимператор Фатих Султан Мехмет ибзоурала аһьсуа ахра Османтәи аимпериа ахылаһьшрахь ииагахеит. Абас ала Себастиполис, дасәкала Акәа акалакь Генуиаа рколониакәеи рһаһәи иааргеит Османтәи аимпериа.

Османтәи аимпериа 375 шыкәса иһан амшын Еикъа аһьпахәаеи. Османтәи аимпериа ахаан амшын Еикъаеи иргылаз актәи абаа Сухум Кале акәын. Сухум Кале 1578–1580 шыкәсқәарзы Трабзон акалакь иадхәалан. Архитектор Мехмет Аһеи, Иакуи Аһеи ргәатарала 1723–24 шыкәсқәарзы еитадыргылеит. Насгьы

1761–62 шықсқарзы ситапқақырғылан. Кавказ икоу егырт Османтәи ахра ахаантәи абаакқағы Алаһа, Керч, Кефе, Суджук кале, Гелендьик, Гөнис, Фаш, Азак роун.

Аһсны зегғы рейха ихадароу ақалақь Акәа XVI–XVII ашәы шықсқарзы Крым ахрей, Синоп, Самсуни ақалақькәа рейһиһ ашыһ Еикәағы ахәахәтрәтә тыһ хадан. Акәа 1572–1573 шықсқарзы 800-оык ауаа змаз Османтәи хәахәтрәтә колонианы икан. Османтәи ахәахәтәһиһә Аһсны аңалыхкәа, аңыкахыһ, аһақькәа, ахәақәа, ахәызбақәа, ахәһһалкәа ртиуан. Аһсныһиһтәи атқәаңәа, аңха, аңхаңәа, ашыһ, абһатә һсаатәжы аархәон.

Аһсны ағы аазаратә культура даараза иңәһәан. Есыһшықәса Османтәи ахра азыһ зкыһла аһсуа еқәа аархәон. Уи адагы Кавказыһтәи Османтәи ахраһь атқаразгы ауаа цон. Насгы айбашыраф ирткәоз ауааи, атәңәеи раңәаһы иргән. Стамбул Османтәи ахра аррығы аус зуаз аһсуааи кавказааи раңәан. Иаххәозар аһсуаа Дамат Мелек Аһмед Паһһа (1650–1651), Сиавуһ Паһһа (1687–1688), адыга Дервиһ Мехмет Паһһа (1653–1654) рейһиһ ираңәаһы.

Асахьа – 1: XIX ашәышықәса Акәа

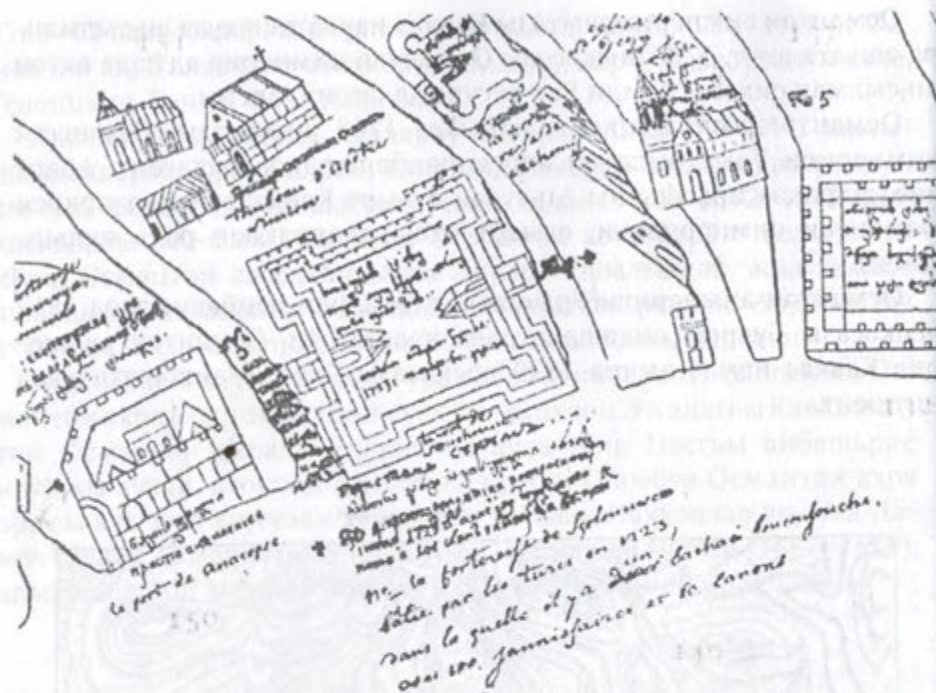
Османтәи аимпериа аамтазы Кавказ иахьатданакуаз аһсылман-ра аһьатә акит. 1730 шықсазы Османтәи аимпериа адтқала актәи аһсылман сихабы Хамди Бей аусура далагеит Аһсны.

Османтәи амчра Аһсны ианыказ 1768 шықсазы, Османтәи аимпериеи Урыстәылатәи ахрей рейбашырақәа иалагеит. Абарт айбашырақәа ирыхьаны Аһсуааи егырт Кавказтәи ажәларқәеи Османтәи аимпериахы, егырт ахәһһткаррақәеи рахь ихдыртәеит.

Османтәи аимпериеи Урыстәылатәи ахрей рейбашырақәа 1812 шықсазы Букреш айкәһахәтрәла иаанкылан. Османтәи аимпериа Кавказ иамаз амчра 1829 шықсазы Едирне айкәһахәтрәла иһтәеит.

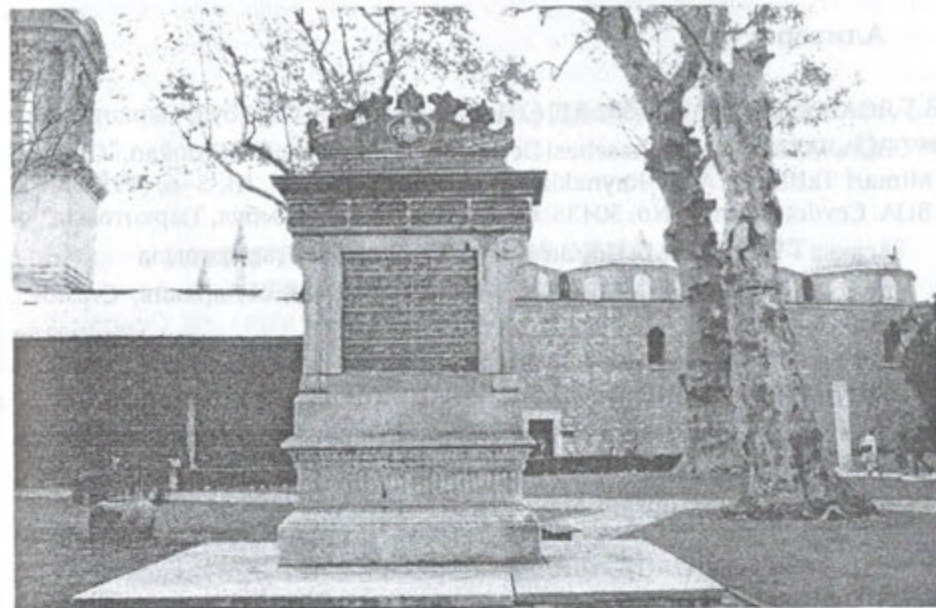
Асахьа – 2: Акәеи акәшамыкәшеи. Аказармақәа. Абиа – Сухум Кале

Асахьа – 3: 1723 шықаса. 149 – Акәа апорт, абаа.
150 – Анакәаңиа абаа

Асахьа – 4

Асахьа – 5: Султан III. Ахмед иаамтазы иргылеит. Османтәи ахрей
Урыстәылатәи ахрей аибашьра ахаан Стамбул Топкапы аханахь
иргеит. Хыхь иануп Султан II Абдулхамид инапыџра. Аџоурых ала
1877 шықәсазы иргылоуп

Алитература

ВОА. Cevdet Dâhiliye No. 3116. Османтѣи архив, Стамбул, Търкѣтѣи.

ВОА. MAD İnşaat Muhasebesi Defteri No. 2542; Muzaffer Erdoğan, "Osmanlı Mimari Tarihinin Arşiv Kaynakları", İÜEF Tarih Dergisi, III, 5-6, (1953), 118; ВОА. Cevdet Askeriye No. 30438. Османтѣи архив, Стамбул, Търкѣтѣи.

Асахѣа – 1: Bilge S.M., Османтѣи архив, Стамбул, Търкѣтѣи.

Асахѣа – 2: ВОА., А.МКТ.УМ., 1970/19., Османтѣи архив, Стамбул, Търкѣтѣи.

Асахѣа – 3: Bibliographie hydrographique de is Marine, Paris., Панапѣа Махинур Туна лархив акынтѣ.

Асахѣа – 4: Formerly at the Topographical Depot of the General Staff in St. Petersburg. Панапѣа Махинур Туна лархив акынтѣ.

Асахѣа – 5: www.topkapisarayi.gov.tr

Скаков А.Ю., Джоуа А.И., Журавлев Д.В.
(Москва, Сухум)

АНТИЧНЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ ДЖАНТУХСКОГО МОГИЛЬНИКА

По целому ряду причин античные города Восточного Причерноморья изучены недостаточно или же просто не обнаружены. Слои Диоскурии, если принять мнение, что она находилась на месте современного Сухума, лишь в незначительной степени затронуты археологическими раскопками (в 1886, 1940, 1959 и 1977 гг.). Питиунт, локализуемый на месте современной Пицунды, исследуется с 1952 г. (А.М. Анакидзе, Г.А. Лордкипанидзе), но изученные слои относятся к II-VI вв. н.э., лишь отдельные находки датируются II-I вв. до н.э., а ранние слои не обнаружены. Большая часть Гиеноса (близ Очамчиры) исследовалась в условиях идущего масштабного строительства и в его ходе была уничтожена, сохранившаяся часть, по сути, уничтожается в настоящее время. Неизвестно местонахождение Кигна или Кикна (Плиний, Помпоний Мела), версия об его тождественности Гиеносу не является общепризнанной. Не обнаружены, или не идентифицированы Пеней, Гиер и Гераклея (Плиний), Питика (Арриан), Картерон Тейхос и Неаполь (Птолемей). Сиганей Птолемея размещают на месте современного с.Гудава, но античные слои там не обнаружены.

Аналогично обстоит дело с городами более южных районов Колхиды. Фасис уверенно локализуется в районе современного Поты, хотя остатки древнего города до сих пор не найдены. Существует предположение о неоднократном переносе древнего Фасиса. Скорее всего (Дюбуа де Монпере, С. Джанашиа, И.А. Джавахишвили), Фасис находился на левом берегу р.Риони, восточнее Поты. Единственным указанием на нахождение Фасиса на правом берегу Ри-

они является свидетельство Псевдо-Арриана. Археологически изучены лишь раннеантичные и эллинистические поселения хоры Фасиса.

Следует упомянуть, конечно, Эшерское городище, но здесь большая часть античных слоев, включая остатки монументальных построек, была уничтожена при террасировании для цитрусовых насаждений и плантажной всапке в 1967-1968 гг.

В такой ситуации особую важность приобретает исследование поселений и могильников местного населения, демонстрирующих нам характер его контактов с греческими колонистами. Очевидно, что приморские поселения и могильники откроют нам иную картину таких контактов, чем памятники, расположенные во внутренних районах Колхиды. При этом последние, заведомо находящиеся вне пределов хоры античных полисов, позволяют судить о механизме и направлении торговых контактов, о периодах их интенсификации, о торговых приоритетах и уровне развития местного населения. Немаловажна и роль античного керамического импорта для определения хронологии памятников местной культуры.

Одним из подобных памятников, остающимся недооцененным вплоть до настоящего времени, является Джантухский могильник в ущелье реки Галидзга или Лалдзга (г. Ткуарчал, пос. Акармара). Любопытно было наличие здесь разновременной античной импортной керамики: как ионийской, середины VI в. до н.э. (Кобахия Б.С., Шамба Г.К., Шамба С.М., 1987. С. 17), так и аттической чернолаковой (Шамба Г.К., Шамба С.М., 1990. С. 24. Рис. 15, 1-9, 11-14), а также эллинистической (фрагменты мегарской чаши второй – третьей четверти II в. до н.э. и флакона или унговентария III-II вв. до н.э.) (Шамба Г.К., Шамба С.М., 1990. С. 24. Рис. 14, 5, 15, 10).

Работы на памятнике были возобновлены нами в 2005-2006 гг., и ведутся с тех пор ежегодно. К настоящему времени исследованы погребальные ямы 3, 4, 5, 6 (два уровня – XIII-XI вв. и вторая половина VIII – начало VII вв. до н.э.), 7 и 8, индивидуальные погребения 2 и 3, а также двухслойная ритуально-поминальная каменная вымостка, изучаются погребальные ямы 9 и 10. Погребальные ямы 3, 4, 5 и, вероятно, 8 синхронны и могут быть датированы второй

половиной V – первой половиной III вв. до н.э. (Скаков А.Ю., Джонупа А.И., 2012а; Они же, 2013).

Среди античного керамического импорта погребальной ямы 3 доминируют фрагменты второй половины IV в. до н.э., но представлены и находки первой четверти III в. до н.э. Так, поддон аттического чернолакового скифоса датируется второй половиной IV в. до н.э. (Sparkes B.A., Talcott L., 1970. P. 259. Fig. 4, 336) (Рис. 2, 15). Единственным расписным фрагментом является стенка лекифа с чернофигурной пальметтой, которая может быть приблизительно датирована второй половиной IV в. до н.э. (Рис. 2, 9). Кроме того, в погребальной яме был найден маловыразительный фрагмент сетчатого лекифа, также датируемый в пределах второй половины IV в. до н.э. Два фрагмента скифоса (не исключено, одного и того же) относятся к типу *Cup-skyphos* и по форме могут датироваться от 375 г. до н.э. (Sparkes B.A., Talcott L., 1970. P. 278. Fig. 6, 605) (Рис. 1, 25; 2, 14) и позднее. Поддон, вероятно, неаттического чернолакового скифоса, близкого к Type A, с граффито на донце (Rotroff S.I., 1997. P. 258. Fig. 12, 152; Sparkes B.A., Talcott L., 1970. P. 84-86, 255. Fig. 4, 342) датируется, самое позднее, 300-275 гг. до н.э. (Рис. 2, 3).

Подражанием аттическим формам (Type A) является поддон скифоса, который, судя по глине и лаку, может быть датирован второй половиной IV в. до н.э. (Sparkes B.A., Talcott L., 1970. Fig. 4, 349) (Рис. 2, 11). Два венчика чернолакового и буrolакового сосудов относятся, скорее всего, к поздним вариантам классических канфаров, датируемым 300-275 гг. до н.э. (Rotroff S.I., 1997. Fig. 4-5 и др.) (Рис. 2, 12, 13). Они широко представлены и в северо-причерноморских памятниках (см., например, Егорова Т.В. 2009. Рис. 8, 109). Впрочем, в настоящее время существует тенденция к омоложению этого типа сосудов, и многие исследователи, в том числе С.Ротрофф и Т.В.Егорова, расширяют их датировку на весь III в. до н.э.

Три фрагмента неаттических скифосов коринфского типа с вертикальной ручкой (два из них, возможно, принадлежали одному сосуду) могут быть датированы концом IV – первой четвертью III в. до н.э. (Rotroff S.I., 1997. Fig. 12, 160) (Рис. 1, 20, 23; 2, 6). Другие

¹ Учитывая характер глины, а также отсутствие лака на нижней части сосуда и внутри него.

фрагменты импортной керамики (как с черным и коричневым лаком, так и без него) из погребальной ямы № 3 менее выразительны (среди них, в том числе, есть фрагменты ойнохои), хотя и достаточно многочисленны. Несколько фрагментов буролаковых сосудов, несмотря на свою невыразительность, явно принадлежат малоазиатским кубкам и широко датируются в пределах III в. до н.э. Они относятся к группе Colour-Coated Ware A, выделенной К. Домжалским (*Domżałski K.* 2007. Р. 166-173. Fig. 4-7) и широко представленной в эллинистических комплексах Причерноморья (см. например: *Tolstikov V., Zhuravlev D.* 2004. Fig. 94, 6; 99, 2-4). Таким образом, датировка погребальной ямы № 3, судя по импортной керамике, не выходит за рамки второй половины IV – первой половины/середины III вв. до н.э.

В заполнении погребальной ямы 4 были найдены поддон чернолакового скифоса, относящийся, скорее всего, к периоду не позднее середины IV в. до н.э. (*Sparkes B.A., Talcott L.*, 1970. Fig. 4. № 349) (Рис.4,2), а также фрагмент с декором в виде полос, относящийся, вероятно, к лекифу (см., к примеру, *Sidorova N.*, 1996. Pl. 43,6) (Рис.4,3).

Среди античного импорта, найденного в погребальной яме 5, мы видим ту же картину, что и в погребальной яме 3. Доминирует керамический импорт второй половины IV в. до н.э., но присутствуют немногочисленные фрагменты III в. до н.э. Выделяется фрагмент чернолакового сосуда с необычной петлевидной горизонтальной ручкой под венчиком, датируемый, предположительно, IV вв. до н.э. (см. ранние варианты этой формы: *Sparkes B.A., Talcott L.*, 1970. Р. 84-86, 255. Fig. 4, 352) (Рис.3, 1). К IV в. до н.э., скорее, к его второй половине, относятся два фрагмента поддонов скифосов (Рис.3, 2, 11) и фрагмент канфаровидного кубка со штампованной пальметкой (Рис.3, 16). Стоит отметить и нижнюю часть чернолакового флакона аттического производства, также относящегося ко второй половине IV в. до н.э. Ручки киликов узкой датировки, не имеют, но, вероятно, могут быть также отнесены к тому же времени. К III в. до н.э. относятся фрагменты поддона и венчика чаш (Рис.3, 6, 15).

Для нижнего слоя ритуально-поминальной каменной вымостки характерен преимущественно античный керамический импорт

второй половины IV в. до н.э. Здесь обнаружены те же донца аттических скифосов второй половины IV в. до н.э., и фрагменты чернолаковых неаттических канфаров, относимых к первой четверти III в. до н.э. и позднее. В этом комплексе присутствуют и обломки малоазиатских буролаковых кубков, которые могут быть отнесены ко второй половине III в., хотя их фрагментированное состояние не дает возможности точной хронологической атрибуции. В целом ситуация с импортной керамикой близка описанной для погребальных ям 3 и 5.

Обращает на себя внимание присутствие в погребальных комплексах в мелком, раздробленном состоянии именно посуды для питья – чернолаковых скифосов или канфаров, а не сосудов закрытых форм или тарелок-солонок-мисок. Вероятно, находки публикуемых фрагментов следует связывать с остатками каких-то поминальных действий или тризны. Мы видим здесь, в первую очередь, поддоны скифосов (Рис.5, 3, 19; 6, 7) и крышка леканы (Рис.5, 2). Единичными фрагментами представлены фрагменты эллинистической керамики (очевидно, III в. до н.э.) (Рис.6, 3, 17, 20). При этом мы не можем исключать, что эти фрагменты относятся уже к верхнему слою ритуально-поминальной вымостки.

Позднейшим погребальным комплексом могильника можно считать верхнюю ритуально-поминальную каменную вымостку в северо-восточной части раскопа 2. Античный импорт здесь представлен, в частности, двумя фрагментами рельефной, т.н. «мегарской», чаши II в. до н.э. с декором в виде полосы ов со стрелкой в бордюре под почти прямым, слегка наклоненным внутрь венчиком и плохо сохранившимся (практически, только изнутри) матовым коричнево-красноватым лаком, глина без заметных включений, оранжево-желтая (*Скаков А.Ю., Джонуа А.И.*, 2012. Рис.1, 3; *Скаков А.Ю.*, 2012. Рис. 5, 1). Отметим наличие в нижней части профилированного желобком венчика неровных горизонтальных углублений, связанных, вероятно, с недочетами при изготовлении (*Гжегжулка С.*, 2010. С. 41). «Мегарские» чаши с аналогичным декором хорошо известны в позднеэллинистических материалах Эпирского городища (*Шамба Г.К.*, 1980. С. 37, 38. Табл. LI, 10; LIII, 1, 4, 10; *Ксенофтова И.В.*, 2006. С. 221. Табл. 2, 11), где датируются II-I вв. до н.э. и

традиционно связываются с т.н. «делосской» или, как её ещё называют, «островной» группой (см., к примеру, *Шелов Д.Б.*, 1969. Табл. I, I, II, 21, 22, III, 28, 31, IV, 36, 51).

Как известно, производство «мегарских» чаш возникло в Афинах в начале последней четверти III в. до н.э. (*Гжегжулка С.*, 2010. С. 24), а в других центрах они начинают изготавливаться в самом конце III – начале II вв. до н.э. (*Коваленко С.А.*, 1998. С. 14). Сегодня установлено, что вся «делосская» группа рельефной керамики относится к продукции ионийских мастерских (*Laumonier A.* 1977. P. 3-5; *Внуков С.Ю.*, *Коваленко С.А.*, 1998. С. 62; *Гжегжулка С.*, 2010. С. 25), которая и доминирует как в Северном, так и в Восточном Причерноморье.

Имеющиеся аналогии (*Гжегжулка С.*, 2010. Кат. № 2, 321, 325, 327, 328, 329 и др.) позволяют датировать наши фрагменты серединой – второй половиной II в. до н.э. Вне всяких сомнений, они принадлежат чаше производства одной из мастерских Эфеса, который в позднеллинистическое время являлся несомненным лидером импорта столовой посуды в Причерноморье (подробнее об эфесском производстве см. *Rogl C.*, 2015, P. 113-139, с литературой). Чаши эфесского производства широко представлены во всех центрах Причерноморья (см., например, *Журавлев Д.В.*, 2011. С. 223. Рис. 1-3; *Zhuravlev D.*, *Zhuravleva N.*, 2014. Fig. 1, 1-4, 7; 2, 1).

Еще один фрагмент мегарской чаши является случайной находкой и, вероятно, также относился к данному комплексу. Это фрагмент донной части с изображением круглой розетки, дополнительно обрамленной концентрической линией. Розетка состояла из более широких лепестков с закругленными концами или, что также возможно, сердцевидных, и более узких веретенообразных лепестков, расположенных попеременно. При этом более узкие имеют выпуклую поверхность, более широкие – желобки вдоль края. Аналогичный декор известен у рельефных чаш, связываемых с Эфесом и Ионией, датируемых серединой – второй половиной II тыс. до н.э. (*Гжегжулка С.*, 2010. Кат. № 1, 2, 19, 20). Судя по несколько иной глине, это не может быть фрагмент той же самой чаши, хотя имеются аналогии, сочетающие такой же полос из ов и так же оформленное донце (*Гжегжулка С.*, 2010. Кат. № 2).

Кроме того, отметим фрагмент ручки канфара с налепным украшением в виде катушки и красноватым лаком (*Скаков А.Ю.*, *Джонпуа А.И.*, 2012. Рис. 1,4; *Скаков А.Ю.*, 2012. Рис. 5,2), также характерную для II в. до н.э. и связываемую с кругом Пергама (*Журавлев Д.В.*, 2015. Рис. 7; *Zhuravlev D.*, 2014, Fig. 7, 10-12, 14, 6-7). Фрагменты аналогичных ручек известны на территории Абхазии в позднеллинистическом слое Эперского городища (*Шамба Г.К.*, 1980. Табл. XLIII, 2; *Ксенофонтова И.В.*, 2006. С. 221. Табл. 1, 2-4). Также обнаружены фрагменты чаши малоазийского производства, которые могут быть датированы второй половиной II в. до н.э. (Рис. 7, 5, 6).

Таким образом, импортная керамика позволяет обосновать достаточно надежную дату для данного комплекса, являющегося позднейшим в хронологическом ряду колхидских погребальных ям. Ранее позднейшими комплексами считали погребальную яму 1 могильника Ларилари в Сванетии с фрагментами импортной керамики конца IV – начала III вв. до н.э., и погребальную яму 2 того же могильника, датированную эпохой раннего эллинизма (*Чартолани Ш.Г.*, *Табуева Е.Г.*, *Размадзе Н.П.*, *Шеразидишвили Б.И.*, 1984. С. 43, 44). При этом данные комплексы не были полноценно введены в научный оборот и среди специалистов доминировало представление о том, что после VI в. до н.э. обряд коллективных погребальных ям со вторичным захоронением в Колхиде не существовал (*Папуашвили Р.*, 2011. С. 85; *Балахванцев А.С.*, 2015. С. 23). Теперь мы можем уверенно говорить о доживании «колхидского» погребального обряда до II в. до н.э.

В целом в известных нам материалах Джантухского могильника доминирует античный керамический импорт IV в. до н.э. Отметим также присутствие достаточно многочисленных местных подражаний античной керамике (Рис. 7, 10, 11).

Обращает на себя внимание насыщенность погребений Джантухского могильника античным керамическим импортом IV – II вв. до н.э., практически отсутствующим в этот период на смежных северных склонах Большого Кавказа, на территории современных Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Возникает впечатление, что племена Джантухско-Лариларского варианта выполняли роль своего рода буфера, препятствовавшего проникновению на

Северный Кавказ греческих торговцев из прибрежных античных поселений. В своей недавней основательной работе О.В. Маан (*Маан О.В.*, 2012. С. 63) указывает на наличие античного импорта III-II вв. до н.э. в Чегемском кургане-кладбище (Кабардино-Балкария). Но ранние погребения Чегемского кургана-кладбища датируются, на самом деле, II-I вв. до н.э. (*Керефов Б.М.*, 1988. С. 29), а обнаруженная там античная керамика по своему происхождению связана, вероятно, с городами Боспора (кувшины боспорского производства, канфар, идентичный «так называемым малоазийским канфарам из городов Боспорского царства») (*Керефов Б.М.*, 1985. С. 186, 187). Поэтому логично предположить, что античный керамический импорт во II-I вв. до н.э. поступал в Кабардино-Пятигорье не из-за гор Главного Кавказского хребта, то есть не с юга, а с Тамани и Прикубанья, то есть с запада.

Более того, анализ комплекса родосской клейменной керамической тары конца 50-х – 40-х гг. III в. до н.э. из Грушевского городища (окраина современного г. Ставрополя) привел В.И. Каца к выводу о том, что поступала она туда не постоянно, а импульсивно, и не через Прикубанье, а с рынка Танаиса в Нижнем Подонье (*Кац В.И.*, 2002. С. 252, 253). Показательный вывод был сделан исследователями Татарского городища (также окраина г. Ставрополя): с конца IV по середину I вв. до н.э. прослеживаются активные контакты местных племен «с населением Кубани, через которое на Ставропольскую возвышенность, помимо меотской посуды, поступал и античный импорт» (*Березин Я.Б., Каминский В.И., Малашев В.Ю.*, 2012. С. 54-55, 89). Среди импорта здесь¹ доминируют те же родосские амфоры и меотская керамика Прикубанья и Закубанья, витая ручка красноглиняного кувшина связывается с «боспорскими производственными центрами», а чернолаковая посуда представлена всего двумя фрагментами (не позднее конца IV в. до н.э. и IV-III, но скорее III вв. до н.э.) (*Березин Я.Б., Каминский В.И., Малашев В.Ю.*, 2012. С. 14, 32, 50, 53-54. Рис. 84, 6, 8, 9). В материалах кургана 1 могильника 2 Татарского городища IV-III вв. до н.э. присутствуют чернолаковая посуда, амфорные ручки начала – второй половины III в. до н.э. и медальон-горгонейон (*Кудрявцев А.А., Галаева В.И.*, 1998.

С. 75, 76; *Кудрявцев А.А., Галаева В.И.*, 1999. С. 100, 101; *Березин Я.Б., Каминский В.И., Малашев В.Ю.*, 2012. С. 81). В гробнице 1 Вербовского могильника обнаружен чернолаковый канфар конца IV – начала III вв. до н.э. (*Березин Я.Б., Каминский В.И., Малашев В.Ю.*, 2012. С. 54; *Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А.*, 2012. С. 4, 12. Рис. 2. Фото 1). К IV – началу III вв. до н.э. относятся и импортные предметы (терракотовые подвески, стеклянная гемма) из склепа 2 могильника № 1 Татарского городища, где, кстати, также встречены фрагменты родосских (?) амфор, чернолакового сосуда и меотский керамический импорт (*Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р.*, 1999. С. 68, 69, 75, 76, 79; *Березин Я.Б., Каминский В.И., Малашев В.Ю.*, 2012. С. 82, 83). Таким образом, все исследователи уверены в существовании для IV-III вв. до н.э. именно «западного направления связей» (*Березин Я.Б., Каминский В.И., Малашев В.Ю.*, 2012. С. 54), но никак не «южного». С чем был связан такой сложный и «кружной» путь древних торговцев? Вероятно, все же, с тем, что вплоть до, по крайней мере, II в. до н.э. путь через перевалы Большого Кавказа для античных купцов был закрыт и они искали обходные маршруты.

Конечно, древним жителям гор юго-восточной Абхазии, исходя из нашей современной логики, «выгоднее было не закрывать перевал, а, наоборот, пропускать греческих купцов через свою территорию на Северный Кавказ и получать поплину» (*Маан О.В.*, 2012. С. 63). К сожалению, и в древности и сейчас люди не всегда исходят из соображений материальной выгоды, вступая в затяжные конфликты и начиная кровопролитные войны. Здесь же древние горцы, заняв перевалы, контролировали не просто перемещения античных купцов, а торговлю солью, крайне необходимой для жителей Северного Кавказа, металлом, рабами и, видимо, многими другими товарами. Это обеспечивало им постоянный доход и большие богатства, лишь малая часть которых дошла до наших дней. Показательно при этом, что античный керамический импорт появляется на северных склонах Большого Кавказа лишь с начала IV в. до н.э., в то время как в материалах Джантухского могильника присутствует уже ионийская керамика середины VI в. до н.э. (*Кобахия Б.С., Шамба Г.К., Шамба С.М.*, 1987. С. 17).

¹ В материалах раскопок 1992–1993 гг.

Литература

Балахванцев А.С. Биметаллический клевец из Бузуруслана и проблема становления раннескифской культуры // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.). Отв. ред. С.И. Лукьянко. Ростов-на-Дону. 2015. С. 22-25.

Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М. 2012.

Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. (Труды ГИМ. Вып. 102). Отв. ред. Д.В. Журавлев. М. 1998. С. 61-76.

Гжежжужка С. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. I. Warsaw. 2010.

Горова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М. 2009.

Журавлев Д.В. Новые находки позднеэллинистической керамики и светильников из Пантикапея // ПИФК. 2011. № 4. 221-263.

Журавлев Д.В. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 2015. № 1. С. 190-215.

Кац В.И. Комплекс родосской клейменной керамической тары с Грушевского городища // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. Часть 1. СПб. 2002. С. 248-256.

Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Том 2. Нальчик. 1985. С. 135-259.

Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1988.

Коваленко С.А. К истории изучения позднеэллинистической штампованной рельефной керамики в России // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. (Труды ГИМ. Вып. 102). Отв. ред. Д.В. Журавлев. М. 1998. С. 9-16.

Ксенофонтова И.В. Привозная керамика позднеэллинистического времени из раскопок Эшерского городища (2003-2005 гг.) // Первая Абхазская

Международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю.Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. Сухум. 2006. С. 220-225.

Кудрявцев А.А., Галаева В.И. Склеповый могильник Татарского городища // XX Юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Железноводск, 1998. Ставрополь. 1998. С. 75-76.

Кобахия Б.С., Шамба Г.К., Шамба С.М. Раскопки и разведки в Сухуми, Эшера и Ткварчели // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. Тбилиси. 1987. С. 16-17.

Кудрявцев А.А., Галаева В.И. К типологии погребальных сооружений могильника II Татарского городища // III Минаевские чтения. Материалы научной конференции. Ставрополь. 1999. С. 99-122.

Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Склеп № 2 Татарского могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь. 1999. С. 65-97.

Маан О.В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум. 2012.

Папуашвили Р. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный-М. 2011.

Прокопенко Ю.А., Охонько И.А. Вербовский могильник кон. IV – III в. до н.э. (северо-западные окрестности г. Ставрополя). Ставрополь. 2012.

Скаков А.Ю. Находки подражаний статерам Александра Македонского и Лисимаха в Западном Закавказье. // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир-Краснодар-М. 2012. С. 53-69.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Новая находка золотого подражания статеру Александра Македонского в Западном Закавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Махачкала. 2012. С. 234-236.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация). // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. Труды ГИМ. Вып. 191. Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М. 2012а. С. 217-238.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Новые исследования на Джантухском могильнике: 2010-2012 гг. Предварительное сообщение. // Абхазоведение.

Археология. История. Этнология. Вып. VIII-IX. Сухум. АБИИ. 2013. С. 7-19.

Чартолани Ш.Г., Табуева Е.Г., Размадзе Н.Н., Шеразацишвили Б.И. Результаты полевых исследований Сванетии за 1980-1981 гг. // Полевые археологические исследования в 1981 году (Краткие сообщения). Тбилиси. 1984. С. 38-45.

Шамба Г.К. Эперское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970-1977 гг.). Тбилиси, 1980.

Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси, 1990.

Шелов Д.Б. Находки в Танаисе «мегарских» чаш // Античные древности Подонья-Приазовья. (МИА, № 154). М., 1969. С. 220-247.

Domžalski K. Changes in Late Classical and Hellenistic Fine Pottery Production in the Eastern Mediterranean as Reflected by Imports in the Pontic Area // Gabrielsen V., Lund J. (Eds.), The Black Sea in Antiquity. Regional and Inter-regional Economic Exchanges. Black Sea Studies. 6. Aarhus. 2007. 161-181.

Laumonier A. La Céramique Hellénistique à Reliefs. 1. Ateliers "Ioniens". Délos. XXXI. Paris. 1977.

Rogl C. Mouldmade Relief Bowls from Ephesos- The Current State of Research // P.Guldager Bilde, M.J.Lawall (Eds). Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Black Sea Studies. 16. Aarhus. 2014. 113-139.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and imported wheel made table ware and related material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, New Jersey, 1997.

Sidorova N. Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum of Fine Arts. Fasc. I. Roma, 1996.

Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton, New Jersey, 1970.

Tolstikov V., Zhuravlev D. Hellenistic pottery from two cisterns on the acropolis of Panticapaeum // ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Χρονολογικά προβλήματα της ελληνιστικής κεραμικής. Κλειστά Σύνολα Εργαστηρίων. Αθήνα. 269-276

Zhuravlev D. Hellenistic Pergamene tableware in the northern Black Sea region // H. Meyza/ K. Domžalski (eds.), Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia: Their Production, Imitation and Use (Warsaw 2014) 129-150

Zhuravlev D., Zhurayeva N. Late Hellenistic pottery and lamps from Panticapaeon: recent finds // P.Guldager Bilde, M.J.Lawall (Eds). Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Black Sea Studies. 16. Aarhus. 2014. 255-286

Список иллюстраций

Рис. 1, 1-26 – античный керамический импорт из погребальной ямы 3.

Рис. 2, 1-19 – античный керамический импорт из погребальной ямы 3.

Рис. 3, 1-18 – античный керамический импорт из погребальной ямы 5.

Рис. 4, 1 – античный керамический импорт из погребальной ямы 8; 2, 3 – античный керамический импорт из погребальной ямы 4; 4-21 – античный керамический импорт из погребальной ямы 5.

Рис. 5, 1-21 – античный керамический импорт из культово-поминальной вымостки.

Рис. 6, 1-32 – античный керамический импорт из культово-поминальной вымостки.

Рис. 7, 1-6 – античный керамический импорт из верхнего слоя культово-поминальной вымостки; 7-9 – античный керамический импорт из фондов Абхазского государственного музея, коллекция из Джантухского могильника; 10, 11 – местные подражания античным керамическим формам, Джантухский могильник.

Рис. 1.

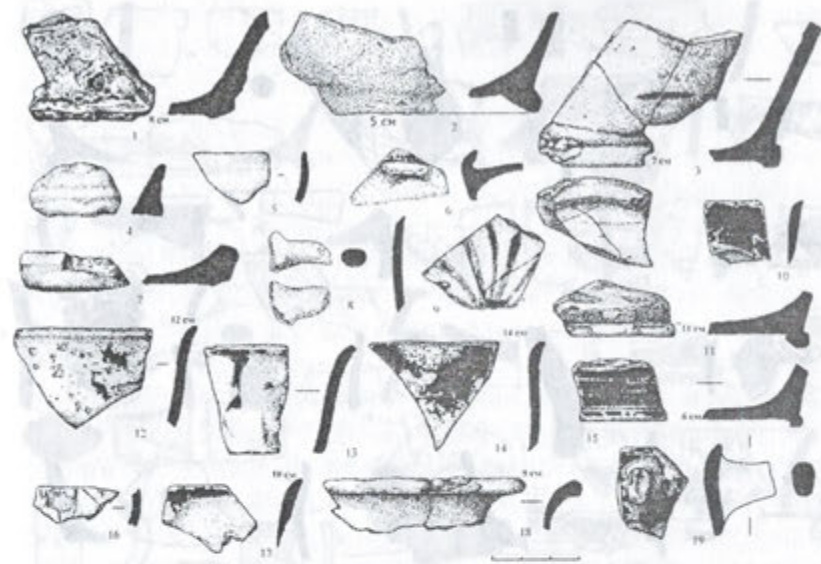
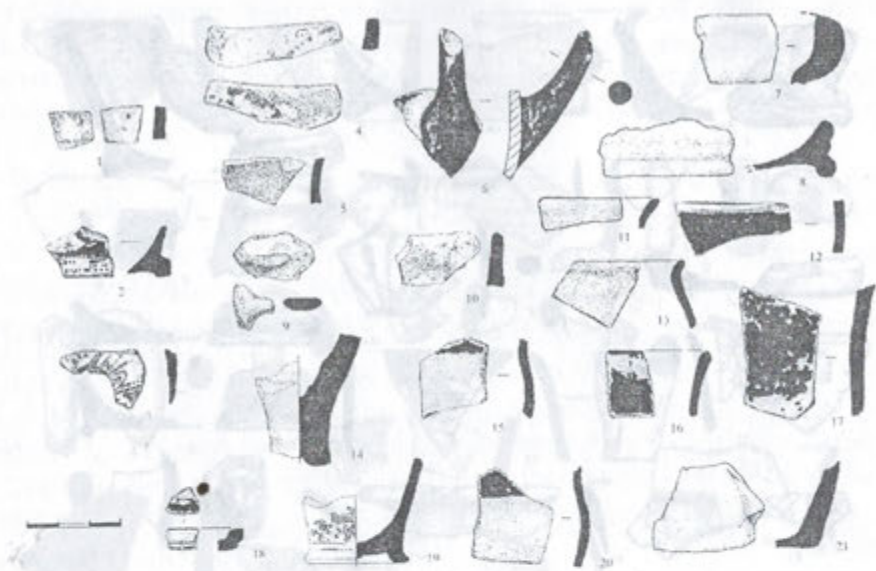

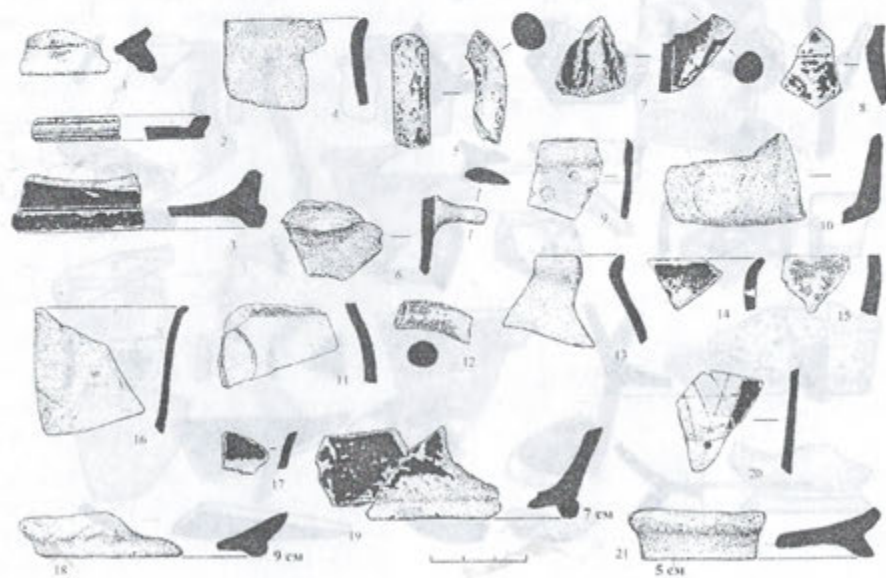
Рис. 2.

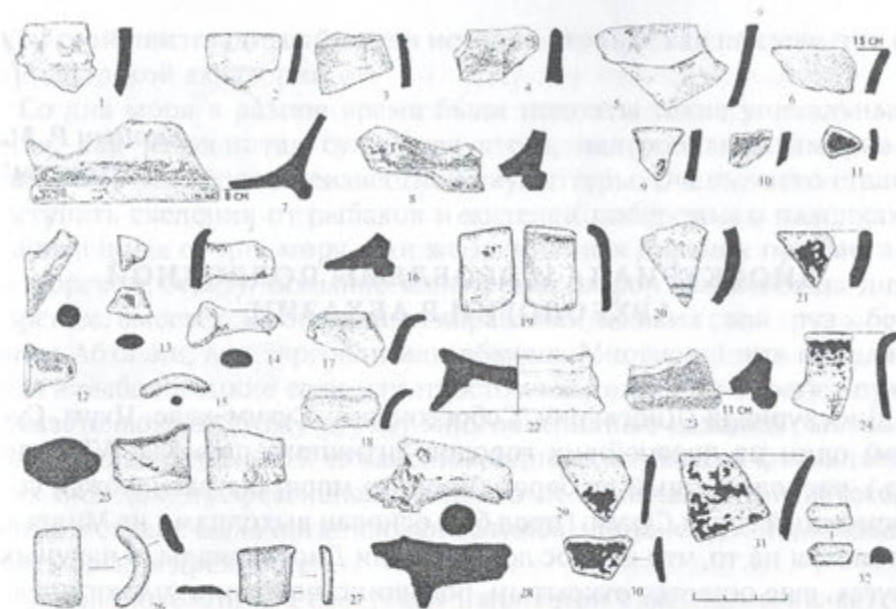
Рис. 3.

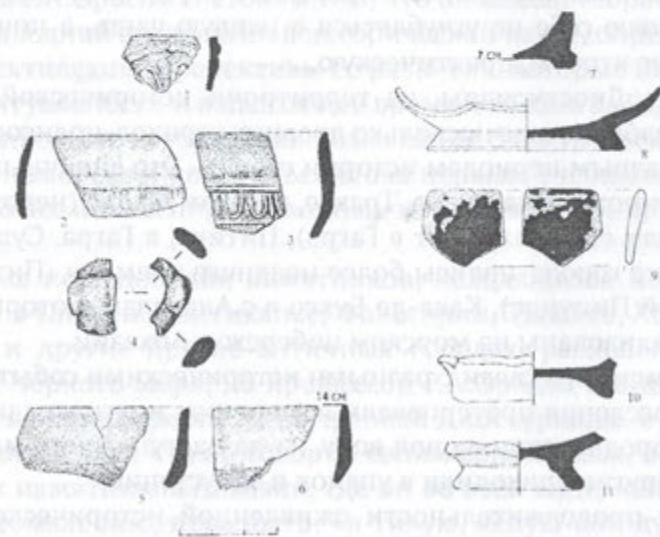
Puc. 4.

Puc. 5.

Puc. 6.

Puc. 7.

Барцыц Р. М.
(Сухум)

ДИОСКУРИАДА И ПРОБЛЕМЫ ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ В АБХАЗИИ

Диоскуриада (Диоскурия, Себостополис, Сухум-кале, Цхум, Сухум) один из древнейших городов античного периода (VI в. до н.э.), расположенный на берегу Черного моря, где расположен современный город Сухум. Город был основан выходцами из Милета. Несмотря на то, что вопрос локализации Диоскуриады, в научных кругах, еще остается открытым, большинство из них отдают предпочтение именно Сухуму – столице Республики Абхазия.

Воспользовавшись научно-практической тематикой конференции, позволю себе не углубляться в первую часть, а попробовать осветить ее вторую, практическую...

Помимо Диоскуриады, на территории исторической Абхазии было образовано еще несколько древних городов-полисов, относящихся к разным периодам истории страны. Это античный Гюгнос, в современном г. Очамчыра, Трахее, в Повом Афоне (некоторые исследователи ее локализуют в Гагра), Питика, в Гагра. Существовали и другие города-полисы более позднего времени (Питиус в современной Пицунде), Кава-де Буксо в с.Алахадзы, которые так же были локализованы на морском побережье Абхазии.

Со временем, в связи с разными историческими событиями эти города-поселения претерпевали изменения, и разрушались. Часть из этих городов уходила под воду, из-за наступавшего моря (Диоскурия), другие приходили в упадок и запустение.

В силу продолжительности оживленной исторической жизни Абхазии с остальным внешним миром, выражавшейся в торгово-экономическом и военном аспектах, эти временные периоды оста-

вали свой неизгладимый след в истории страны, как на суше, так и на ее морской акватории.

Со дна моря в разное время были подняты такие уникальные вещи, как знаменитая сухумская стела, надгробная мраморная плита IV века, голова неизвестной скульптуры. Очень часто стали поступать сведения от рыбаков и жителей побережья о находках, выловленных со дна моря, или же найденных древних предметах на морском берегу. Большое количество амфор покоится на дне морском, вместе с затонувшими кораблями, везших свой груз к берегам Абхазии, для торговли или обмена. Многие из них попадались в рыболовецкие сети или просто находились на берегу моря. Доказательством этому служат многочисленные находки рыбаков и жителей побережья. К сожалению, однако, в Абхазии фиксацией этих находок, профессионально никто не занимался. В советское время в стране была организована служба, по поиску, и исследованию морских древностей.

Основоположником советской подводной археологии является профессор, археолог Орбели Рубен Абгарович (1880-1943). Заслуга профессора Р.А.Орбели состоит в том, что он создал теоретические основы подводной археологии в исторической науке, определив на многие десятилетия перспективы ее развития, которые не утратили своей актуальности и в настоящее время. Его книга «Гидроархеология: Подводные исторические изыскания близ греческих городов на Черноморском побережье» стала первым учебным пособием для многих поколений подводных исследователей-археологов в СССР.

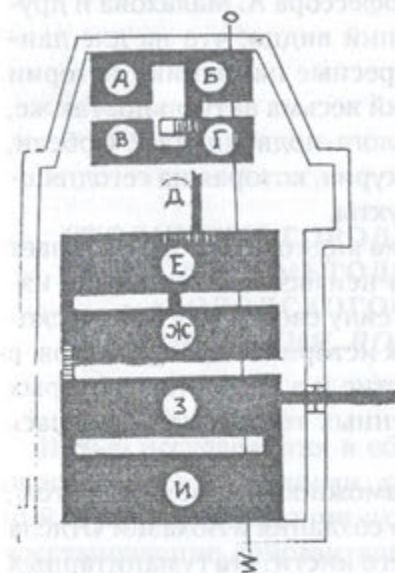
Основные исследования памятников, находящихся под водой, проходили в Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Танаисе, Херсонесе, Феодосии и других древне-античных городах, располагавшихся на берегах Черного моря, но профессор Р.А.Орбели всегда мечтал погрузиться в прибрежные воды древней Диоскуриады, о котором он много читал. Вот, что он говорил своим соратникам, по поводу подводных памятников Абхазии, где он во всей видимости побывал, но, к сожалению, ненадолго: «в тихую, ясную погоду жители Сухуми, любуются необыкновенным зрелищем. Нам повезло. В тот день морская зеленоватая глубь бухты была прозрачна. И вот от

старой крепости и до реки Келасури – почти на пять километров по берегу и на один километр вдаль – под водой протянулись зыбкие, колеблющиеся видения древних руин. Они покрыты устрицами и целыми лесами водорослей. И все же мы начинаем различать бапни, столбы, какое-то большое здание, быть может храм или дворец... Налетает небольшой шквал – и видение исчезает.

Говорят, что еще в девяностых годах (XIX века – прим. Р.Б.) некоторые развалины были совсем неглубоко под водой, а при сильном волнении показывались и над поверхностью. Тогда не было пыльной набережной, и волны ложились прямо на песок. Кунающиеся находили на пляже монеты – золотые, серебряные и медные. Монеты имели надписи и изображения Александра Македонского, Юлия Цезаря, Антония, Константина и Елены и многих других древних владык. Многие монеты были украшены изображениями животных и птиц. Как-то раз волны вынесли на берег драгоценную золотую диадему. Дары моря и свидетельства старинных книг говорили о древней Диоскурии. Уже много столетий назад, море, постепенно захватывающее побережье, погребло город под своими водами. По словам грека-географа Страбона, Диоскурия была когда-то настоящим складом товаров для всех народов Колхиды и соседних областей. Страна давала огромные урожаи хлеба винограда, фруктов. Лес, зерно, бараньи шкуры увозились отсюда на далекий Запад» (Шевченко, 1948. С. 22).

Ученый неутомимо прокладывал широкие пути для новой науки, подводной археологии, разрабатывал методику подводных исследований, составлял карту подводных древностей. Но, увы, неожиданная смерть в расцвете сил и творчества, прервала его деятельность и страна, Абхазия в том числе, лишились великого ученого.

С тех пор серьезных исследований морских древностей проводить не доводилось никому. Хотя были некоторые попытки. Так, в 80-х годах прошлого столетия Абхазию посетил ученый, геоминеролог, профессор А.А. Малахов, из Свердловска. Он провел исследования по выявлению древностей, скрытых в водах озера Инкит в Пицунде, и на территории, прилегающей к пицундскому храму. Свои исследования он проводил с помощью аппарата «инрогео-

скоп» собственного изобретения. После того как он совершил некоторые интересные открытия, он сообщил о своих результатах исследования в Абхазский институт языка, литературы, истории имени Д.И. Гулиа со следующим заявлением:

«Пропу принять к проверке мою заявку на исследование комплекса катакомб, обнаруженных мной в районе Пицунды, с помощью сконструированной мной аппарата – инрогеоскопа...

Катакомбы приурочены: 1. К области Пицундского храма-музея. 2. К местам древних разработок золота, серебра, алмазов и пр. План катакомб дан в приложениях к заявке.

Мне представляется, что в катакомбах могут быть обнаружены ценности, имеющие историческое значение для выявления древней и средней истории Абхазии». (рис. 1).

Здесь нужно отметить, что проф. Малахов работал непосредственно с абхазским ученым, историком-этнографом, профессором Ш.Д. Инал-ина. Вот некоторые выдержки из письма, которую А.А.Малахов написал своему коллеге, который, по всей видимости, понимал значимость его исследований и поддерживал его: «Глубокоуважаемый Шалва Денисович! Как мы условились с Вами, я всегда готов выехать к Вам, для уточнения будущих работ...

Особенно мне кажется интересной наша точка №6. Ее я уловил и на фотографии...Сигналы судна тянутся на берег. В этой части возраст судна оказался равным I веку нашей эры. В озерной же части мы зафиксировали какую-то диковинную вещь II тысячелетия до нашей эры! Не вывозили ли римляне отсюда вместе с золотом и предметы древнего искусства?»¹

¹ Заявление А.А.Малахова в АБИИИ им. Д.Гулиа. (распечатка), из приложения к заявке А.А.Малахова. (распечатка).

Из вышеприведенных выдержек профессора А. Малахова и других, не менее интересных его сообщений видно, что на дне данного озера, возможно, находятся интересные памятники истории Абхазии и организация их исследований весьма актуально. Так же, не менее интересны сообщения археолога-подводника Р. Орбели, по поводу части древнего города Диоскурия, которая на сегодняшний день покоится на дне сухумской бухты.

Не мало других сведений, по которым видно, что море скрывает много из того, что пролило бы свет на неизвестные или мало изученные страницы Абхазии, которая в силу своего географического расположения была в центре многих исторических процессов, в которых она принимала активное участие и в результате которых менялся политический строй вовлеченных государств, менялась эпоха.

Все вышеизложенное дает нам возможность говорить о том, что давно пора назрела необходимость создания в Абхазии Отдела подводных исследований, на базе нашего института гуманитарных исследований им. Д. Гулия, или же в других структурах. Так же немаловажным остается проблема сохранения историко-культурного наследия, находящегося под водой, как на море, так и на дне озер. Намечившаяся активизация хозяйственной деятельности на море (рыбный промысел с использованием трала) и на озерах (организация спортивно-тренировочных мероприятий на озере Инкит), могут нанести, а в некоторых случаях уже наносят существенный ущерб, непоправимый вред, в результате которого мы потеряем значительную часть своей истории. Для недопущения всего этого уже сегодня необходимо создать Морской историко-культурный заповедник, который взял бы на себя ответственность сохранения морского исторического наследия страны.

Литература

Шевченко В. «Сокровища исчезнувших городов (Записки музейного работника). Л., Лениздат, 1948. с. 22.

Сангулия Г.А.
(Сухум)

СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА АБХАЗИИ: КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ И МЕТОДИКА АТРИБУЦИИ ОБЪЕКТА «ГОРОДСКОГО» И «СЕЛЬСКОГО» ТИПА (ХРОНОЛОГИЯ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ)

Целью исследования в области научной (исторической и археологической) хронологии, такого важного мегаобъекта как древний город или поселение «городского» типа, является выявление и восстановление действительного порядка исторических событий, определение длительности исторических процессов, их начала, конца и этапов развития, как состоявшихся исторических фактов, данных в феноменах неповторимости и отражения (познаваемости). Такие остаточные данные непременно отлагаются, ведь объект, лишенный отмеченных признаков и черт, в действительности не существует и его познание в рамках исторических наук невозможно. С точки зрения системно-гносеологического подхода обязательным условием достижения этой действительности (наличия города и городской жизни) является не только изучение объекта в важнейших категориях пространства и времени, но и его особой типологической принадлежности поры возникновения и развития самого проблемного объекта, остающегося до сих пор призраком для всех наук древностей. Последний случай его всеобщей недоступности для всех смежных наук, предполагает всесторонний комплексный подход, как обязательная методологическая норма для успешного преодоления затянувшейся проблемной ситуации.

Нужно особо отметить, что в остальных случаях, большие успехи абхазской археологии в этом районе отмечены известными трудами крупнейших ученых Абхазии (Л.И. Соловьев, М.М. Трапш, Ю.И.

Воронов, Г.К. Шамба). Совсем недавно вышел еще один замечательный труд, подводящий итог большой и интересной работы о преантичной и античной эпохе Абхазии (А.Н. Габелия). Активные силы археологов Абхазии, не смотря на все трудности и преграды, продолжают свои работы на разных участках города, которые, не смотря на тяжелые условия в нижних горизонтах древнего приморского города, приносят свои результаты.

Обнаружение раннего города без гипотетической модели объекта поисков, вне учета основных граней исследования, может быть только результатом счастливого случая, который, увы, до сих пор не наступил. Не зная и не предполагая материал, структуру объекта, элементов составляющих данную целостность, без широких исторических обоснований и полагаясь на одни беглые упоминания в источниках, где больше говорится о местных обществах или интересных случаях их жизни, трудно верифицировать полученные данные и заниматься реконструкцией истории столичного города. Поэтому, можно использовать и собственный опыт выявления и исследования проблем, в пользу положительного решения, порученного нашими руководителями и коллегами специфического задания (см. лит.: Сангулия Г.А.). Например, ссылка на преемственные связи Себастополиса, который раньше назывался Диоскурией, не снимает вопрос вертикальной стратиграфии для установления факта прямого хронологического предшествования их кварталов в одном месте от начала VI в. до н.э. И эти сообщения (Arr., Anon.), лишенные параллельных данных и подтверждения синхронными вещественными источниками остаются бездоказательными. В любом другом случае перед нами предстанет иная ситуация, впрочем, подтверждающаяся неоднократно на тех участках города, где встречается только римский и византийский период, часто и без турецкого и древнегреческого слоев (например, раскопы по ул. Воронова, ул. Аргун-Конопок или у кинотеатра Апсны и Атриума). Полагаясь и на такую традицию, например, на упоминание парного имени Гермеса-Меркурия одновременно, как в надписи светильника из башни Одынец IV-V вв. н.э. (Ельницкий, 1962, С.231) да и еще найденной не в предполагаемом городском центре, а на ее периферии, судить о начале далекой греческой колонизации

времени VI в. до н.э. также практически невозможно. Более того у нас есть даже факт одновременного упоминания Себастополиса и Диоскуриады у одного и того же автора (Plin.), что возможно локализует эти далеко не однотипные города самостоятельно в разных местах современного Сухума и в разное время (Баслата и Сухумская крепость). Но и в этом случае такое их положение останется вполне нормальным вне зависимости соприкасаются слои этих объектов или нет. Так что устойчивая прямая азбучная идентификация Диоскурия-Себастополис-Цхум требует всегда оговорки, поскольку и планы этих объектов могут не совпадать по форме, месту и не накладываться друг на друга. Как видно, это все очень важно и для хронологических разработок и этапов развития города, поскольку с течением времени, в результате разрастания в определенных районах могут возникать вторичные стратиграфические накладки. Осторожное исследование вопроса может прояснить, что было изначально, и какова последующая ситуация, например, с IV в. до н.э. стало быть, можно конкретизировать район поисков изначального города VI в. до н.э., т.е. наоборот, можно использовать и эту поправку.

А между тем нужно указать, что даже для такого пункта как Фасис, по личному наблюдению и участию в строительных работах легата Флавия Арриана, как он пишет (PPE), прежде «действительно, вал укрепления был земляным, а башни были деревянными, но теперь стены и башни построены из обожженного кирпича». Известно, что здесь найден и фактический материал с клеймом *Fasiana*, доказывающий наличие таких мастерских по производству строительной продукции. По нашему мнению, и другая эпиграфическая находка местного («начальника») царских керамических (мастерских) не сделает архитектуру местного общества на наших глазах всецело каменной, да и полисного типа, за исключением строительной керамики кровли, а за тем и пола. И у других авторов, таких как знаменитый Витрувий (Archit., II, 1,4), упоминается местная колхидская традиция бревенчатого башенного зодчества и подробно рассказывается об этапах и последовательности его возведения. Это подтверждается многочисленными примерами на территории Колхиды (Микеладзе, 1990) и абхазскими материала-

ми из истории традиционных бытовых памятников (Аджынджал, 1969), а также раскопками таких городов как Гюенос (Очамчыра, см. Шамба, 1988). О деревянной архитектуре еще раньше в V в. до н.э. говорит Гиппократ, который упоминает их страну богатой лесами, деревянные и тростниковые жилища фасиан, что в целом с отпечатками конструкций и различных деталей уже известны в строительных остатках местных поселений Абхазии эпохи бронзы, железа и раннеантичного времени (позднекохридское I по автору). Очень важно, что по его словам, местные жители фасиане обычно плавали на своих замечательных лодках, а ходили пешком только в город и рынок, что по всем данным вполне возможно были деревянными, как их жилища и тот «большой варварский город» упомянутый одновременно с Диоскуриадой (Ps.- Scil.), хотя здесь могут быть и исключения. Появление в последующее время баз, колонн, капителей, блоков, как и строительной керамики не прибавит достоверности к проблемному раннему этапу. Они ведь впоследствии проникли в местное общество и не только в царские покои Саулахов с блистательными дворцовыми традициями (Plin.), но и в сельские поселения. Указывая о больших поселениях, городах и крепостях, мы имеем важные сведения с локализирующим значением, поскольку главные общины-гегемоны, будучи центрами крупных объединений как «многоплеменные» и «разнородные» гениохы (Plin., Anon.) и колхи устанавливали и поддерживали внешние пограничные связи. Здесь располагались их центры политического управления, сюда стекался прибавочный продукт, подлежащий хранению, перераспределению и торговому обмену, в целом для поддержания экономической независимости общества. Царско-тираническая система управления страной и институт скентухов на местах позволяла контролировать ситуацию от центров до периферии, конечно не нуждаясь в системе полис-хора, которая действительно в государствах-полисах других регионов бытовала. Наоборот, все данные говорят о том, что города Абхазии получали иммунитет гениохской власти, а жители страны – благоприятные условия для нормальных торгово-экономических отношений, почему импорт впоследствии распространяется во всех пределах распространения древнеабхазского этноса. Древние га-

вани и местные центральные рынки (эмполионы), согласно первоисточникам расположенные здесь, находились на территории гениохов-саныгов (Strab., Plin., Ar., Anon.) и как сама Диоскуриада. Эта была земля абхазов-гениохов, «их родные места» (Strab.) и согласно источникам они жили «владея» ею (Dion. Perieg.) как величайшим богатством, продавать которую было не допустимо еще до 19 века. Мы видим их лица в местных антропоморфных типах керамических и бронзовых скульптур еще из слоя Себастиополиса, Сухумской крепости и Красного маяка (Трапиш, 1969, С. 118-119, 353; Габелия, Сакания, 2004, С. 520).

Система отчуждения земли, при наличии политической власти, предполагает выделение участков из «царского» фонда, почему и существовала ссылка на эту традицию в историческом предании об основании столицы Боспорского царства г. Пантикапей сыном царя Айета Ансиртом (Steph. Biz., s.v.). Тоже самое непрестанно и «достоверно» говорят о гениохах, возникших диоскуров, с которым согласны и утвердительно рассказывают не только греки, но и соседние колхи, которые также считали, что «от них произошел народ гениохов» (Plin., App., Solin.). Более того сами гениохы, тоже возможно из выгодных политических соображений, стали участвовать в этих внешне показных высказываниях. Но следуя строгим принципам территориального размежевания, сами абхазские общества продолжали жить «не вступая между собой в сношения» (Strab.) в обычный период жизни, тоже самое требуя от греческих мигрантов, где мирные и партнерские отношения легко могли поменяться на враждебные, даже ненавистнические, особенно с активизацией афинской экспансии (Arist., Diogen., Herac. Lemb., Strab., Plut.). Типичный пример таков: «Вы будете иметь дело с гениохами и ахейцами, ненавистными для всех греков родом людей» (Diogen.). Поэтому аргумент территориального распространения гениохов, их роль как хозяев положения, как на суше, так и на море, особенно в связи с их «талассократией» (Strabo.) приведшего к «окружающим варварским племенам и их царям и династиям» с боем даже самого Перикла, чтобы показать «величину могущества афинян» (Plut.), может послужить проблеме локализации, не только пунктов, но исторических событий. Это тем более вероятно, поскольку генио-

хи как хозяйева страны дружелюбно приняли Митридата, который зимовал у них в Диоскуриаде, и провели его затем по своей территории через скифские ворота или запоры на Босфор, «которые никто раньше не проходил» (App.).

Известно, что гениохи имели и другие «знакомые места» для проведения своих акций, которых поддерживало даже Боспорское царство, предоставляя им рынки (Strab.). Они же были активны не только в Сухумском районе, но и в соседнем Питиунтском районе, где ими был взят город и опустошен до основания (Plin.). Ведь и другие авторы (Strab.) говорят, что гениохи могли захватывать не только разные местности, но и даже города. Такое сосредоточение активных сил, управление таким обществом со своими царями, тиранами и скептухами и его явное историческое доминирование, а также очевидная победа над ситуацией подавления и угрозы, не могли происходить в каких-то отдаленных весях, среди самых отсталых и труднодоступных районов. Как мы знаем, все это происходило, согласно нашей научной базе, именно в стране гениохов, там, где и был расположен сам Диоскурис, окруженный и остальными абхазскими племенами от берега до гор, от востока до запада их древнейшего расселения и преобладания. Они же активно появляются на прибрежных рынках, мирных и пиратских гаванях и стоянках, а также в центральном эмпорионе. Поэтому так и последовательно описываются сами, да и описание страны, его ландшафт и историческая среда дается с помощью их образов и портретов, с обильным применением всего этнического ономастикона, а не скажем одних диоскурийцев-эллинов. Из источников явствует, что греческая группа не могла представлять такую большую территорию как древняя Абхазия, особенно в раннюю пору своей адаптации, роль которых была тогда не значительна. Поэтому характерное насмешливое описание и говорит, что греки уселись на узком берегу, у края огромного варварского полотна (ковра), как они и осознавали себя сами (букв. как лягушки у болота). И все это допускает историческую синхронизацию и общую их локализацию в одних и тех же пределах.

Расселение и последовательность племен, их пространственное соотношение представляет собой устойчивое образование на

протяжении тысячелетий (ср.: апсилы-абазги-саныги // гениохи с востока на запад), которое мы обозначаем понятием этнический таксис (строй, порядок), а направление связей между ними – этническая дестинация. Наличие этих двух важнейших параметров пространственного анализа в рамках абхазской социальной сети позволяет нам также прибегнуть к локализирующим факторам важных локусов и пучков межобщественных связей. Например, раннее упоминание смежного с гениохами общества абхазов-кораксов, их центральной крепости, запирающей путь в Сухум, Кораксийской страны (хора), одноименной Кораксийской горы и реки Коракс, имеет важное значение для определения конкретного места и центра самих гениохов. Структурная дескрипция этнической территорий и вообще этногеография Абхазии дает не только последовательность описания от прибрежных гениохов к нагорным кораксам, но их некоторую взаимозаменяемость. Известно, что Кораксийские горы называются иногда Гениохийскими, и одновременно наш город иногда упоминается в контексте не иначе как «и кораксы с колхидским городом Диоскуриадой» (Plin.), что не означает внезапный отток или новое заселение территорий. Рассмотренный корпус источников приводит к допуску исторической синхронизации и параллельной локализации Диоскурии с гениохами и кораксов с Кораксийской крепостью (стеной) начиная с начала VI в. до н.э. когда они уже попали одновременно в исторические источники (Нес.). Этому отвечает и пограничная история Абхазии, проблемы и теорию которой мы разрабатываем в сравнительном аспекте (Сангулия, 2011, С.163-170). Зная отношения с Ахеменидской империей, его хронологию (Herod., Xen. Anab.) и взаимоотношения с меотами и синдами (Сангулия, 2014), включенными в состав Боспорского царства (царь Гекатей, Тиргитао и т.д.), с которой гениохи тоже контактировали, откуда поступали меотский импорт и боспорские монеты, можно гипотетически допустить существование неупомянутого гениохского (сухумского) центра и в пределах VI-IV вв. до н.э. При этом ссыла на такую историческую синхронизацию (Сангулия, 2014), основанная на общности интересов впоследствии и одновременно гениохов, персов, меотов и греков по материалам памятников центрального сухумского региона Аб-

хазии (Ахул-Абаа и др.) возможна (ахеменидская чаша и браслеты, меотская конская сбруя и вооружение, греческий импорт и местная поселенческая традиция и др.). И само гекатеевское и другие сообщения и последующие данные подтверждаются археологическими источниками наличие уже базового памятника кораксийской крепости с импортом, известном и в Цабалском регионе вообще с VI в. до н.э. (Воронов, 1968). Дальнейшее системно-генетическое исследование вопроса приводит к формированию всех ведущих элементов данной целостности, обнаруживающих строгую корреспонденцию фактов со своими коррелятивными парами, отмеченных на земле гениохов и вокруг него. Обязательность дальнейших сопоставлений предполагает разбор географических связей с центральноколхидским сектором, где отдельными авторами здесь на Фасисе локализуются гениохи, заменяя имя местных фасиан (ср. «Полития фасиан» Herac. Lemb.). В соответствии с этим, город А́йа на Фасисе (здесь же она и страна А́йа) иной раз как у Никонора (см. Steph. Biz., s.v. Dioscou.) служит названием Диоскуриады. Подобные данные, приводимые в систему, как и упоминание колхов на Фасисе и их соседей гениохов вплоть до Кавказского хребта (Herod.), позволяют уточнить и важные географические ориентиры, таких как «крайний угол» Понта, самая восточная точка, обычно совпадающий с Фасисом (редко с Ансарой). Пословичное выражение *на Фасис, куда корабли совершают свой последний бег* по Страбону не противоречит такой замене пунктов. Это же река была границей между Европой и Азией, и не раз отмечен как важный исторический ориентир для греческих мигрантов, упомянутая знаменитым Платоном в диалоге «Федон» как крайняя точка их расселения – от Фасиса до Геракловых столбов. В таких регулярных схождениях фактов, расстояние от Фасиса и Диоскурии-Акуа имеет смысл учесть, поскольку уже сами древние полагались на эти азбучные коррелятивные географические константы для составления карт и текстовых описаний. И в античности (позднеколхидское I-II) существует древнейшая связь между поселениями Абхазии по берегу, наличие традиций каботажного плаванья от пункта к пункту, сплошная цепь поселений (Сангулия, Поиск..., 2011) что и по источникам не трудно показать. Сообщение о географической после-

довательности проживания колхов и их соседей гениохов вплоть до Кавказского хребта (Herod.) начиная от Фасиса, дополняет известное упоминание (Dion. Cass.) «земли колхов и их соседей», где «путь по материку идет через земли многих неизвестных племен, а морской путь еще затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в этой стране и суровости ее обитателей». Ведь местные жители, прекрасно знавшие свою страну, воздвигали множество мостов, устанавливали на дорогах специальные указательные таблички-кирбы, где ими были начертаны все пути и пределы суши и вод, как пишут ряд авторов (Apol. Rodh.). Это напоминает находки колхидских и меотских табличек со знаками центра и периферии пространства, традицию дорожных и межевых знаков абхазов, составленных с помощью камней и начертаний на деревьях, вроде «черт и риз». Очень важно, что имея ввиду ландшафт исторической среды с великоленными сосновыми и самшитовыми лесами (измененная позднейшими лесопромышленниками и колонизаторами), и характерное очертание нашего побережья в виде лукоморья, по данным древних авторов (Strab.) «Диоскуриада лежит в таком заливе, занимая самую восточную точку всего моря», что она, поэтому считается «впадиной (углом) Евксинского моря». Такой выбор еще древнейшего (догреческого) поселения характерен и для других пунктов. Например, согласно Мела (I, 19) «На первом изгибе берега лежит город, который как говорят, был основан греческими купцами, и был назван ими *Cygnus*». Речь идет о Дзиганисе-Гудаа, где зафиксирован античный слой, который был торговым городом, и нами отождествлен и определен как торговый пункт на основе первоисточников и археологических данных. Соответственно использование характерного берегового изгиба для стоянки и укрытия судов, и здесь просматривается. Более того, в результате изменения русла рек за историческое время, в их устьях образовались и позже лежали даже «некоторые безымянные острова», которые и как сам берег, несомненно, были размыты и уничтожены прибоем (Воронов, 2010). Этому несоответствию современного положения, нам как исследователю можно при необходимости добавить и множество других подробностей. Интересно, что уже очень рано знали и близлежащие берега р. Коракса (Кудры) напротив тех же корак-

сов, известный и под названием Еврип («Вход судов»). Аристотель отметив, что Кавказ «самый большой горный хребет», говорит о его видимости «[в стране кораксов] утак называемых Глубин Понга (в этом месте море неизмеримой глубины; во всяком случае, еще никогда, измеряя глубину, не могли достичь дна)» (Metheor 12-15). Этот пункт не находится в далеком созвучном пункте Батисе-Гонио (Батей: Батис как иногда думают), а соответствует абхазскому берегу. Характеристика Коракса позволяет рассматривать его как дополнительную стоянку кораблей, причем с большим водоизмещением и грузоподъемностью. По нашим данным такую роль играла с запада р. Гумыста, куда зимой входили корабли, и, набрав товар, весной с началом навигации, суда отправлялись назад. Этим частично объясняется на наш взгляд наличие раннего импорта в соседнем с. Эшера (см. о находках: *Джопуа, Ксенофонтова, Эрлих, Шамба, 2004*) и в р-не Красного Маяка (находки Л.Н. Соловьева). Наличие запасных гаваней в крайних точках территориальных связей Диоскуриады, и их связь с горными кораксами, и остальными обществами для которых гениохи и Диоскуриада были центром консолидации, это уже сложившаяся историческая реальность в VI-V вв. до н.э. как показано в ряде мест наших исследований.

Вышеотмеченные географические особенности и пути, ведущие на остальную территорию (например, через местные поселения Лхуыл-Абаа и Баграт-Ибаа с античным и меотским импортом в страну кораксов), определяет местоположение исследуемого пункта, тем более, что Диоскуриада лежит согласно первоисточникам на берегу определенной р. Антемус. Исторический выбор пал не так поздно, поскольку центр пересечения всех путей многочисленных местных племен не мог иметь иного предпочтения, поскольку именно сухумская среда обитания в виде амфитеатра сперва была средой адаптации и ядром «многоплеменного» союза гениохов. И это вышеупомянутое местное название (гидроним) Антемус с пре-позитивным артиклем А-возможно происходит от древнего абх.-садз., убых. *antua/*anta* «дверь, порта», указывающий на гавань, вход судов у устья р. Басла, где найдена известная стела аттического происхождения (*Транш, 1954*). Хотя здесь нет раннеантичного слоя VI-V вв., но зафиксирована стратиграфия слоя с IV в. до н.э.

Представляет интерес обнаруженная нами после большого морского прилива 2013 года производственная мастерская на Красном Маяке (Рис.1), открытый памятник с четкой стратиграфией. Нами древние слои зафиксированы, определены и датированы. Нижние слои, начиная с V в. до н.э. слабо накапливаются, а в IV-III вв. до н.э. идет резкое увеличение находок и мощности слоя, во II-I вв. до н.э. опять происходит спад производства и частота находок понижается.

Рис. 1. Производственная мастерская. Красный Маяк. 2015

Выявлены и другие указания для конкретного местоположения абхазов-саныгов (Агг.), что уточняют еще ряд данных локализаций и самой Диоскурии, и дает временные ориентиры его основания. Это исконное название главной речки Сухума «Чандар//Джандар//Джан (Джанское ущелье)» с переходом ц' > ч//дж, т.е. трансформированное свистяще-шипящее согласное ц'- (ср. А-ц'ан-ба) в препозиции за историческое время контактов с разными пришлыми языковыми группами. Устоявшая древняя система названий поселений демонстрирует факт наличия регулярных повторений мор-

фологических типов, таких как Сама-т-хуа, Ха-т-хуа, Иаш-т-хуа с древними топоформантами, интерфиксами и корневыми. Это верно указывает на тесное соседство греческой группы и саныгов-генихов, на земле которых стояла Диоскуриада (Plin., Arg., Anon.), тех генихов, оставивших свое историческое имя, как и позже в названиях чандов//цандов, Цандрышц//Сандрышц, так и в промежуточном Гудаутском р-не. В частности, наличие местной материальной культуры на всей прибрежной территории (находки бронзового, железного и античного типов от санатория МВО до Маяка) не вызывает сомнений (Трапш, 1969; Шамба, 2005), и все это теперь приобретает еще более твердую научную основу. И само название А-кwa местное, с корнем -kwa «высокий; крупный» обозначает цитадель города на недоступной высоте (как он описывается), или служит обозначением ее берега с характерным дуговидным очертанием в значении «луко (морье)». А название Сухума может быть и местным. Тогда оно восходит к форме *Svahvy- (тип Pshvy), состоящий из местных корней sva «выпня, верхняя», hvu «впадина, ров, долина» с суфф. -m- (ср. akwydz-m-a), что соответствует ее топографии и ландшафту. Трансформация начального согласного в п- при имени города Ансилии и Абхазии (Абазгии) Цхум (КЦ) хорошо известна.

Проведенные мною исследования, и накопленный опыт по созданию систематизированных и проверенных научных данных показывает, что изучение главных вопросов поставленной проблемы не возможны только с точки зрения одной Диоскурии и с позиции всего лишь антиковедения. Все результаты говорят о целесообразности изучения исторических городов Абхазии, их торговых, производственных, пограничных отношений комплексно и консолидировано, и с позиции абхазоведения и кавказоведения (Сангулия, Пограничная..., 2012), что дают в целом более широкие знания и возможности реконструкции исторической действительности. Как видно, взаимная абхазо-греческая историческая интерференция, происходившая в пределах одной территории и в рамках абхазо-греческой пограничной истории, позволяет использовать данные о древней Абхазии и абхазах не меньше чем сами отдельные и отрывочные данные о Диоскурии. Последние, далеко не первой свежес-

ти, и очень часто содержат измененные последующими авторами данные, в связи с новыми ситуациями, как того требовала практика их использования для плавания и торговли. Как и следовало ожидать, источники, имеющие прямое отношение к исторической хронологии (а не только к прямой датировке) достаточно много, и они относятся вообще к древней Абхазии, вне исторической среды которой, города, как и поселения «городского» типа, как уже явствует из нашей работы, не могут быть освещены сколько-нибудь конкретно.

Вообще если говорить о поисках города на суше и на море, то общеизвестная резкая глубина морского дна на сухумском берегу и наличие там все же именно поздних стен римского и византийского времени, с поясами из плинф, и характерным составом раствора хорошо известной науке, определенного опыта исследования, который все же уже состоялся (М.М.Трапш, Л.А. Шервашидзе, А.М. Апакидзе, В.П. Пачулия), приводит к серьезной подготовке, созданию программ, оценке ситуаций, перспектив и подготовке специалистов подводных исследований Абхазии.

А на суше, исследованию древнего города противостоит как сплошная ее застройка, так и бесконтрольная, разрешительная гражданская строительная процедура, остановить которую по принципу предшествования археологических исследований в настоящее время, увы, не выполняется. Исключая участки, где уже состоялись исследования, и был обнаружен только римский и эллинистический слой (при закладке глубинных пустых шурфов), в остальных же необходимо провести первоначальную разведывательную шурфовочную работу на больших глубинах. А вместе с его фиксацией, необходимо планировать и провести соответствующие полевые работы в серьезных масштабах предполагаемого мегаобъекта. Если учесть, что многие объекты, по факту отказа их владельцами проведения поисков не имеют археологических заключений, столичный город Диоскуриада на наших глазах лишается своей древней истории. Поэтому проводимые мероприятия, и участие наших граждан в возрождении исторического интереса, исторического сознания и традиций почитания важных столичных центров своей исторической картины мира должны быть серьез-

ными и ответственными, больше чем самые востребованные культурные увеселения и шоу. Ведь праздники города, их покровители в виде священных образов, скульптур, масок и вещественных отражений в остатках проводимых ритуалов (на примере Фасиса и Суриса (Вани)) проводились уже в древности. Почитая Богиню-охранительницу города Фасиса, «фасианскую богиню» (Aeg. PPE) со львами у ног (напоминающая еще Чатал-хююкскую богиню древних хаттов), или «Белую богиню» Левкотею, которой нельзя было принести в жертву барана (Strab.) участники ритуала устраивали известный праздник возрождения, почему и встречаются на раскопках маски бога Диониса и куча разбитой посуды после их проведения. И по источникам известно, что «большое племя камаритов» своему местному богу Вакху «устраивал священный хоровод, надев на грудь передники и оленьи кожи» (Dion.), что также относится к культу умирающих и воскресающих богов типа Диониса, Адониса, Осириса. Поэтому не только научные проблемы истории города, но праздничные мероприятия должны разрабатываться исследователями национального исторического наследия, которые уже состоялись как исследователи таких важных абхазоведческих проблем. В частности, древнейший абхазский вторичный обряд погребения человека завернутого в шкуру эпохи мезолита (Сангулия, 2013), если проводился во время весеннего праздника посвященной местной богини Гекаты (Ps.-Plut.), то он также связывался с мистериями и представлениями о культе богини подземного мира, чистотой и священством, плодородием и возрождением как гаранта счастливой жизни человека, отступление от которой считалась святотатством и каралась смертью (Сангулия, Древняя..., 2012, С.110).

В свете изученных источников становится очевидным, что выбор культа и сам сценарий и вообще идея праздника города тоже сложная тема, и связывать с предполагаемыми основателями города или его хранителям, а также другим почитаемым образам без поручения опытных специалистов по древностям Абхазии для разработок и обоснования не целесообразно. И здесь творческая консолидация ведущих ученых принесет пользу и решит основополагающую научную проблему исторической реконструкции, скорее

всего потерянной традиции городского праздника в стране славных гениехов.

В целом на сегодня можно по анализу первоисточников со знанием действительного положения ситуации предположить наличие X-объекта Диоскуриады ранней, основание которой без спекулятивных заморочек приходится на самое начало VI века до н.э. Приходится временно отказаться от проведения идеи о размерах и типологическом характере города как большом, могущественном и каменном мегаобъекте города-государства, появление которой якобы означало порабощение всего абхазского начала. Подобные преувеличения лучше относить к позднему времени, когда, например, город-крепость Питиунт получил эпитет «великий» по отношению к остальным крепостям, на передовой которых он стоял и принимал первый удар на себя (как описывает историк Зосим). И здесь такая же ситуация, когда Диоскуриада лежала уже в развалинах (как описывают современники) был воздвигнут поодаль «могущественный (себастос)» город-крепость Себастиополис, объект совершенно другого типа и возникший в других условиях. После своей предполагаемой даты возникновения и становления г. Диоскуриады в VI-V в. до н.э. наступает последующий этап успешного торгово-экономического развития, который приходится на этап активного выдвижения гениехов и расцвета абхазо-греческого сотрудничества и партнерства во всех областях в IV-III вв. до н.э. В это время и сельские поселения, а также погребения (ср. Сухум, Мархиаул, Агудзера, Дранда, Атара и др.), отчасти хозяйство и экономика приобретают городской облик. Именно тогда с IV в. до н.э. (а в некоторых случаях с V в. до н.э.) выпускают собственную амфорную тарную продукцию с клеймом г. Диоскурии (а не с этниконом «диоскурийцы», как иногда ошибочно восстанавливают сокращение Dioscou-). А впоследствии, город чеканит и собственную монету с изображением шапок диоскуров (конечно не для одних митридовских воинов как пишут ошибочно отдельные авторы) но и для горожан, торговцев и жителей, почему они встречаются в большом количестве в разных местах города и в причерноморском регионе вообще. В целом, предстоят активные и целенаправленные работы по обнаружению и полному исследованию древнего столичного

города Абхазии, которому как явствует в ряде источников, изученных нами и известных археологических находок (Сухум, Красный маяк, Энпера), уже добрых 2600 лет.

Литература

- Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.
- Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
- Габелия А.Н., Сакания С.М. Работы экспедиции Абхазского университета//Археологические открытия 2003 года. Москва, 2004.
- Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.
- Джопуа А.И., Ксенофонтowa И.В., Эрлих В.Р., Шамба Г.К. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть II. СПб, 2004.
- Воронов Ю.Н. К вопросу локализации кораксов и их крепости в Абхазии// Вестник древней истории, 1968, №3.
- Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Себастиополис-Цхум. Москва, 1980.
- Воронов Ю.Н. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады// Советская археология, 1991, №1.
- Воронов Ю.Н. Абхазская Атлантида. Сухум, 2010.
- Ельницкий Л.А. Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н.э.// Советская Археология, 1962, №4.
- Кахидзе А.Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху. Батуми, 1981.
- Микеладзе Т.К. К археологии Колхиды. Тбилиси, 1990.
- Ломоури Н.Ю. Из исторической географии древней Колхиды // Вестник древней истории, 1957, № 4.
- Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI-II вв. до н.э. Тбилиси, 1978.
- Сангулия Г.А. Изучение поселений Гулрыпшского района Абхазии// Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум, 2006.
- Сангулия Г.А. Этнокультурная ситуация в древней Абхазии// Алашара, 2009, №4 (на абх. яз).
- Сангулия Г.А. Предмет пограничной и компаративной археологии Абхазии в абхазологических исследованиях// Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8-12 ноября 2008 г.). Сухум, 2011.
- Сангулия Г.А. Абхазские мастерские и производства позднесколхидской эпохи// там же, Сухум, 2011.
- Сангулия Г.А. Поиск и изучение поселений позднесколхидской эпохи// Археологические открытия 2008 года. Москва, 2011.
- Сангулия Г.А. Древняя Абхазия: вождество и царство (историко-археологическое исследование) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012.
- Сангулия Г.А. Пограничная ситуация в археологическом наследии городов древней Абхазии // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Махачкала, 2012.
- Сангулия Г.А. Древнейшие обрядовые памятники в историко-культурном наследии Абхазии//Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2013.
- Сангулия Г.А. Меото-колхидский горизонт в наследии пограничной археологии Абхазии // IVАнфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014.
- Скаков А.Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников //Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. Москва, 2013.
- Соловьев Л.Н. Диоскурия- Себастиополис-Цхум //Груды Абхазского Гос. Музея.т.I, Сухуми, 1947.
- Трапш М.М. Древний Сухуми. Труды. т. II. Сухуми, 1969.
- Шамба Г.К. Абхазия в первом тысячелетии до н.э. Сухум, 2000.
- Шамба Г.К. Древний Сухум. Сухум, 2005.
- Шамба С.М. Гюгнос. Тбилиси, 1988.

Пачулиа В.М.
(Сухум)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО АБХАЗИИ О ДАТИРОВКЕ ОБРАЗОВАНИЯ АНТИЧНОГО ГОРОДА ДИОСКУРИАДА

Во второй половине 80-х годов прошлого века среди общественности Абхазии муссировалась интересная идея о проведении юбилея города Сухум.

Инициатором этой идеи было руководство Абхазской организации исторического общества Грузии. Со стороны Тбилиси эту организацию курировал академик А. Апакидзе.

Я, будучи до войны продолжительное время секретарем этого общества, сохранил документацию, в том числе выступления двух наших больших ученых и патриотов Георгия Кучовича Шамба и Юрия Николаевича Воронова на его расширенном заседании (19 января 1989 года) с участием представителей науки и культуры, руководства республики. Я думаю, что научные выводы и аргументации наших великих археологов по поводу датировки образования г. Сухум представляют особый интерес.

Предварительно вопрос о проведении юбилея был согласован с Абхазским обкомом партии и вышеперечисленными ведущими учеными. Конкретно это было в 1988 году. А 19 января 1989 года состоялось расширенное заседание Ученого совета исторического общества. На заседании присутствовали 19 членов ученого совета, около 60-ти гостей приглашенных (не считая сотрудников АбНИИ), сотрудников АГУ, членов Союза писателей Абхазии, Союза художников Абхазии, сотрудников Абхазского госмузея, председатели городских и районных организаций исторического общества.

Заседание вел председатель общества Х.Ш. Аргун. Первым на заседании выступил Г.К. Шамба – заведующий отделом археологии

АбНИИ, доктор исторических наук. Он заявил: «Пожалуй, трудно назвать другой город или населенный пункт в истории которого произошло бы столько переименований: Диоскурия, Себастиополис, Цхум, Сухум-кале, Эйа, Акуа. Да и сегодня город официально фигурирует под двумя названиями: Акуа и Сухуми.

Из дошедших до нас письменных источников впервые название нашего города как Диоскурия встречается у греческого (афинского) писателя IV в. до н.э., выдававшего себя за Скилака Кариандского – одного из популярных писателей Греции VI в. до н.э. при котором Диоскурия уже должна была существовать.

Эти высказывания подтверждаются также данными крупного военачальника – Флавия Арриана, побывавшего на территории современного Сухуми около 131 года. Последний утверждает, что Диоскурия основана древнегреческой метрополией Милетом. Также известно, что этот город был разрушен в начале VI в. до н.э. (в 494 году). Стало быть, свою колониционную деятельность Милет должен был осуществить значительно раньше, т.е. не позднее VI в. до н.э.»

Далее докладчик, излагая археологические данные, подчеркнул: «На этот счет у нас имеется значительный выбор археологических материалов, поскольку изучение исторических памятников древнего Сухуми ведется более ста лет, в течение которых обследованы предметы бытового и погребального характера».

В докладе Г.К. Шамба говорится: «Есть косвенное основание утверждать, что одно из первых греческих поселений на территории Сухуми возникло в устье р. Басла, поскольку здесь сохранился яркий след существования раннегреческого некрополя. При этом имеется в виду надгробная мраморная плита с тремя человеческими фигурами, выполненными в типично греческом стиле. Правда, находка относится не к самому начальному этапу возникновения Диоскурии, а отстаёт от этого времени лет на 70-80».

Говоря о первых, наиболее осязаемых, следах греческих переселенцев в районе Сухуми, то мы их наблюдаем не на территории города, а далее к западу от него, на одном из Эшерских холмов, известных у абхазов под названием «Абларху», что примерно означает «холм, подвергшийся пожару».

При этом докладчик подчеркивает: «Что это единственный бытовой памятник, который может быть связан с первооткрывателями Диоскурии. Поэтому думается, что Эпирский холм, расположенный где-то в 8 км от центра современного Сухуми мог бы быть если не самым первым, то одним из первых поселений, где заложено основание будущей Диоскурии».

Доклад свой Георгий Кучович завершил словами: «Из сказанного следует, что древний Сухуми – Акуа переживает свою многовековую историю, и поэтому общественность города при соответствующем его благоустройстве может с полным основанием отметить 2500-летие своего города».

Затем на заседании выступил Ю.Н. Воронов, который заявил: «К сожалению, – строительной надписи подобной ереванской на территории Диоскуриады не найдено. Но письменные источники и археологические материалы дают достаточно опорных точек для определения даты основания города, названного в честь покровителей мореплавания, мифических братьев Диоскуров».

Впервые Диоскуриада упоминается в компилятивном сочинении античного автора, датированным около 338–335 годов до н.э. Соответствующий отрывок, как установлено исследователями, заимствован из описания Черноморских берегов, составленного известным мореплавателем Скилаком из Карианды, деятельность которого падает на середину – вторую половину VI века до н.э. Известно, что последнее свое путешествие Скилак совершил по поручению персидского царя Дария между 520 и 516 годами до н.э. от Суэцкого перешейка до приустьевой зоны Инда. Составленное им описание Черноморского побережья относится к более раннему периоду (сороковые–тридцатые годы VI века до н.э.), но уже тогда Диоскуриада наряду с другими восточно-причерноморскими центрами (Гиенос, Фазис) была давно функционирующей реальностью. С этим согласуется и вывод исследователей, что активная колониальная деятельность Милета в Причерноморье развивалась до середины VI века до н.э.»

Докладчик дает далее очень интересное заключение: «Если опираться на эти косвенные данные и на находки импортной керамики конца VII века до н.э. в поселении Красный Маяк (на западной

окраине современного Сухума), то основание Диоскуриады должно быть отнесено за 2550–2600 лет от наших дней.

Однако поскольку на территории самой Диоскуриады (её древнейшее ядро, находившееся в районе современной Сухумской крепости, по-видимому, полностью разрушено прибоем: море здесь медленно, до 25 метров в тысячелетие, наступает на берег). Найдено пока лишь несколько обломков амфор самого конца VI века до н.э., то минимально обоснованным всем набором фактов, возраст города – именно 2500 лет».

Исходя из утверждения Ю.Н. Воронова (в чем я лично не сомневаюсь) часть Диоскуриады, около 60–65 метров ушло в воду. Может и больше. В этом наглядный пример – берег г. Очамчыра, который на наших глазах отступает все ближе и ближе.

После этих докладов ведущий заседания Х.Ш. Аргун дал мне слово зачитать текст выступления старшего научного сотрудника отдела археологии доктора исторических наук О.Х. Бражба, который отсутствовал на заседании. Он прислал текст своего выступления в адрес правления исторического общества. В нем говорится: «Для проведения этого знаменательного юбилея у сегодняшней науки имеются все основания:

а) ранние письменные античные источники (середины VI века до н.э.), которые цитируются более поздними авторами Псевдо-Скилаком (IV в. до н.э.), Флавием Аррианом (II в. н.э.);

б) вещественные источники – хиосские амфоры (конец VI века до н.э.), найденные еще в свое время М. Траппи в Сухумской крепости и косвенные археологические материалы последних лет из античных Гюэноса и Эпирского городища (первая половина VI века до н.э.).

Диоскуриада территориально занимала промежуточное положение между этими, почти одновременно созданными полисами. Полностью поддерживаю идею проведения нашему городу 2500-летнего юбилея.

Подпись О.Х. Бражба. 19.01.89 г.

Выступивший затем старший научный сотрудник отдела истории, кандидат исторических наук Г.А. Амичба заявил: «Нужно серьезно подойти к проведению юбилея г. Сухуми. Для проведения

юбилея нужно пригласить гостей из-за рубежа, из городов-побратимов. А что будем им показывать, на что похож наш город? Нужно, прежде всего, благоустроить наш город для проведения такого ответственного мероприятия».

Заседание приняло соответствующее решение, в котором говорится: «Заслушав и обсудив доклады Г.К. Шамба и Ю.Н. Воронов «О проведении юбилея г. Сухуми расширенное заседание ученого совета Абхазской организации исторического общества Грузии постановляет:

1. Датировать основание г. Сухуми VI век до н.э. (2500 лет).
2. Считать целесообразным провести юбилей основания г. Сухуми к концу 2000 года.
3. Создать специальную комиссию по проведению юбилея г. Сухуми:

В.Г. Ардзинба – председатель,
Г.К. Шамба – зам. председателя,
Ю.Н. Воронов – зам. председателя,

Члены комиссии:
Х.Ш. Аргун, А.Р. Гулия, В.В. Бжания, Ш.Д. Инал-ина, В.Е. Кварчия, С.М. Шамба.

4. Обратиться в Абхазский обком КП Грузии с ходатайством о проведении юбилея г. Сухуми. К ходатайству приложить историческую справку.

На заседании вызвал спор вопрос о том, в каком году провести юбилей столицы Абхазии. Одни считали, что можно провести через 2-3 года, а другие – через 10-12 лет.

Еще хочу отметить, что на заседании присутствовал В.Г. Ардзинба, который был избран в состав Президиума Абхазской организации Исторического общества Грузии.

Заканчивая свое выступление, я хочу призвать всех вас поддержать решение наших научных светил конца XX века провести юбилей столицы и датировать основание г. Сухум VI веком до н.э. (2500 лет).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барцыц Руслан Михайлович – к.и.н., старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АНА (Республика Абхазия).

Бгажба Олег Хухутович – д.и.н., акад. АНА, зав. отделом истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АНА (Республика Абхазия).

Габелия Алик Николаевич – к.и.н., декан исторического факультета Абхазского государственного университета (Республика Абхазия).

Джопуа Аркадий Иванович – к.и.н., директор Абхазского государственного музея, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АНА (Республика Абхазия).

Журавлёв Денис Валерьевич к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела археологических памятников Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей» (Россия).

Ксенофонтова Ирина Васильевна – старший научный сотрудник Государственного музея искусств народов Востока (Россия).

Нюшков Валентин Александрович – к.и.н., н.с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АНА, с.н.с. Абхазского государственного музея (Республика Абхазия).

Пачулия Валико Меджитович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АНА (Республика Абхазия).

Сангулия Гарик Анатольевич – научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АНА, преподаватель

даватель Абхазского государственного университета (Республика Абхазия).

Скаков Александр Юрьевич – к.и.н., старший научный сотрудник Института археологии РАН (Россия).

Трапш Гюль Ефе – научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА (Республика Абхазия).

Чандрасекаран Суджата – PhD, научный сотрудник Университета Гётеборга, научный сотрудник музея Пергамон, Государственный музей Берлина (Германия).

Эрлих Владимир Роальдович – д.и.н., зав. сектором археологии Кавказа Государственного музея искусств народов Востока (Россия).

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ К ДНЮ ГОРОДА СУХУМ
«ДРЕВНЯЯ ДИОСКУРИАДА»**

*Материалы конференции,
4 декабря 2015 года, г. Сухум*

Института Абхазского государственного университета (Республика Абхазия).

Селье Александр Юрьевич - кандидат, старший научный сотрудник Института археологии РАН (Россия).

Трифил Гюль Буле - научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гугушвили АИГ (Республика Абхазия).

Андропова Мария - РИД, научный сотрудник Университета Гетеборга, научный сотрудник музея Первоний, Государственный музей Берлина (Германия).

Эльви Владимировна - кандидат, старший преподаватель кафедры Государственного университета (Республика Абхазия).

КОМПЕТЕНЦИИ К ДНЮ ГОРОДА СУХУМ
«ДРЕВНЯЯ ДНОСКУРА»

Материалы конференции
1 декабря 2015 года, г. Сухум

Формат 60x84/16. Тираж 200. Физ. печ. лист 6,5.
Усл. печ. лист 6,05. Заказ № 78.

Отпечатано в РУП «Дом печати»,
Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Эшба, 168.

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ К ДНЮ
ГОРОДА СУХУМ
•ДРЕВНЯЯ ДИОСКУРИАДА•